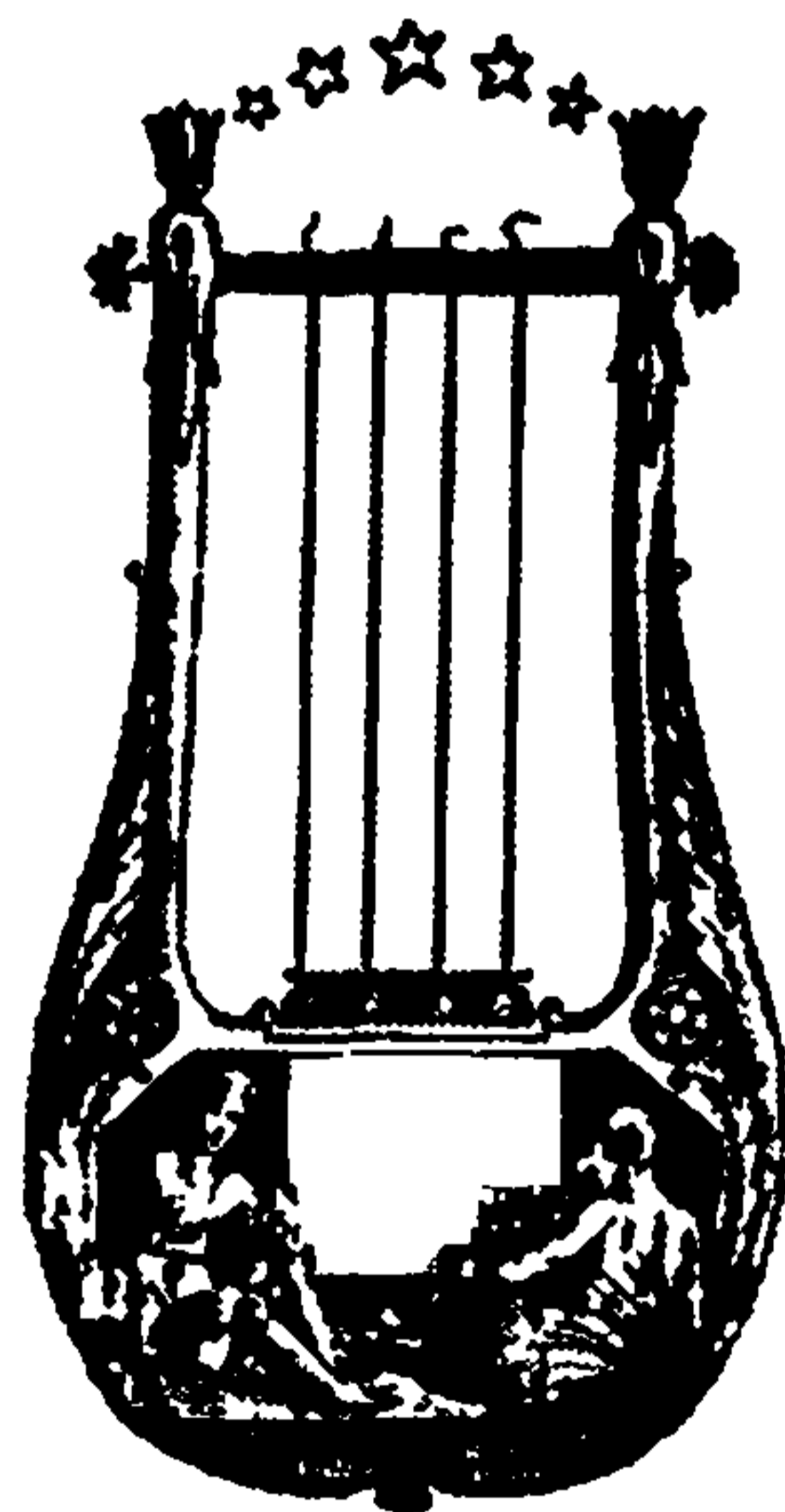

ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ

ГРАФА

ХВОСТОВА

СОВПАДЕНИЕ
1997

**ред. сер. "Библиотека Графомана"
М.Архангельский**

**Составление, примечания, статьи
Максима Амелина**

**Верстка
Михаила Малова**

© М. Амелин, составление и пр., 199

© "Библиотека Графомана", 1997

Граф Дмитрий Иванович Хвостов
Гравюра Б Смита с рисунка О Кипренского (1812)

От редактора

«Не мысля гордый свет забавить...» — это как-то само собой получается — «Б. Г.» позволяет себе представить читающей публике давным-давно не видевшие света сочинения графа Дмитрия Ивановича Хвостова в год его гипотетического 240-летия.

Таким образом, в лице гр. Хвостова мы обращаемся к истокам зарождения графомании на российской почве, и это связано с тем, что редко кому, в столь великолепном объеме и качестве литературных эзерсисов, удавалось представить читателю свой природный графоманский дар. Замечу, что Хвостов — первый граф, удостоившийся чести быть напечатанным на страницах «Б. Г.». Не хочу и не буду скрывать, что Дмитрий Иванович и сам бы попросил нас об этом одолжении, проживи он еще каких-нибудь сто шестьдесят пять — сто семьдесят лет.

Из уважения к литературным заслугам и титулу поэта его сочинения выходят двухнулевым томом, что вполне естественно должно быть приятно основоположнику.

Хочется заметить, что поэзия гр. Хвостова издается вопреки предупреждению самого графа, обращенному к издателю сквозь толщу лет:

*Ты мнишь, тебе доходы
Мои составят оды?..
Худой барыш от них...*

Но так и быть, не корысти для, а только из любви к изящной российской словесности мы предлагаем вам том сочинений Дмитрия Ивановича.

М. Архангельский

ГРАФ ХВОСТОВ: ПИСАТЕЛЬ И ПЕРСОНАЖ

(*Вместо вступительной статьи*)

Кто может угодить разборчивости Муз?
Я первый волю их нередко нарушаю,
И воду из Кубры в Кастальский ток мешаю
То изломаю ямб, то рифму зацеплю,
То ровно пополам стиха не разделю,
То, за отборными гоняся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками;
Однако Муз люблю на лире величать,
Люблю писать стихи и отдавать в печать!

“Ивану Ивановичу Дмитриеву”

Имя графа Хвостова известно каждому, кто хотя бы однажды потрудился прочесть собрание стихотворений А. Пушкина, не говоря уже о сочинениях В. Жуковского, кн. П. Вяземского, Н. Языкова, К. Батюшкова, Е. Баратынского или бар. А. Дельвига. Для всего цвета русского Парнаса первой четверти XIX в. Хвостов был ходячей мишенью, неизменным объектом веселых насмешек, едкого сарказма, а подчас и откровенных издевательств. Кто только и за что только не ругал! — Все кому ни лень писали на графа пародии, его высмеивали в сатирах, над ним потешались в пьесах. Возник едва ли не целый жанр — *хвостовиана* Ф. Ф. Вигель пишет в своих “Записках”: “Вошло в обыкновение, чтобы все молодые писатели об него оттачивали перо свое, и без эпиграммы на Хвостова как будто нельзя было вступить в литературное сословие; входя в лета, уступали его новым пришельцам на Парнас, и таким образом целый век молодым ребятам служил он потехой.” Князь Вяземский помимо многочисленных эпиграмм, среди которых находятся подлинные шедевры, написал почти целую книгу притч, пародировавших “Избранные притчи...” Хвостова. В эпиграммах его выставляли под именами: Графов, Свистов, Хлыстов, Хвастон, Ослов, Рифмин и т. д. Вот отрывок из сти-

хотворения “Моему Аристарху” (1815) А. Пушкина, в котором он как бы подытоживает *хвостовиану*:

Конюший дряхлого Пегаса,
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов
И од, не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

Существует даже лубочная картинка под названием “Стихотворец и чорт”, на которой изображен граф Хвостов, удерживающий за *хвост* черта, бегущего от него, заткнув уши.

Свое дело сделали и мемуаристы. Воспоминания о Хвостове скорее напоминают сборники анекдотов: граф зачитывает стихами до полусмерти какого-то своего родственника; граф дает в долг Крылову книгами, которые нельзя продать; Суворов на смертном одре упрашивает Хвостова больше не писать; граф скупает тиражи собственных сочинений; стихи графа идут на оклейку стен или на производство патронов на острове Ситху; граф раздаривает свои сочинения станционным смотрителям по дороге в деревню и т. д. и т. п. Видно невооруженным глазом, что перед нами не реальный граф Дмитрий Иванович Хвостов, но одноименный мифологический персонаж, по значимости сравнимый разве что с Барковым, наделенный все-таки некоторыми реальными чертами прототипа.

Как некогда колченогий Гефест с Олимпа, граф был осмеян и изгнан с Парнаса. Пушкин и его окружение далеко и надолго отодвинули творчество Хвостова, сделав его имя нарицательным для обозначения “плодовитого, но бездарного метромана (слово “графоман” появилось в русском языке довольно поздно, причем едва ли не является производной от слова “граф” в народной этимологии), жалкого маньяка, одержимого страстью стихотворства”. Стоит заглянуть в любой биографический словарь или справочник, неизменно найдешь нечто подобное.

Между тем место графа Хвостова в истории отечественной словесности уникально: он стал учителем русских поэтов *от противного*. М. А. Дмитриев в “Мелочах из запаса моей памяти” вспоминает, как Карамзин написал однажды Хвостову:

“Пишите! Пишите! Учите наших авторов, как должно писать!” Не будь Хвостова, наверно, Жуковский был бы уныл, Вяземский — неостроумен, Языков — назидателен, а Пушкин — тяжеловесен. Иначе за какие же такие заслуги граф был бы удостоен столь постоянного и пылкого внимания своих недоброжелателей? — Впрочем, это тоже из области мифологии.

Реальный граф Хвостов не менее интересен, чем мифологический. Он прожил долгую и счастливую жизнь, почти 6 десятилетий посвятив литературе. Во многом именно продолжительность жизни стала одной из причин неприятия творчества графа. Кстати, подобной участи удостоился впоследствии и главный его недоброхот — князь Вяземский. Хвостов пережил 4-х царствующих особ, пережил и не одно литературное течение, в том числе сентиментализм и романтизм. Литературная среда, в которой граф воспитывался, состояла из верных поборников классицизма. Гораций, Псевдо-Лонгин, Буало и Баттё становятся верными руководителями Хвостова на литературном поприще. Эстетика классицизма предполагала использование аллегорий, риторических приемов, инверсий и т. п. Следование классическим образцам для графа было обязательным:

Хотел, подруги Феба, Музы,
По вашим странствовать горам,
Нося прелестные мне узы,
Курить пред вами фимиам
И воду пить пермесских токов,
Как Ломоносов, Сумароков,
Парил я в мыслях на Парнасс,
Дерзал стремиться вслед Гомера;
Но вдруг представилась Химера,
Исчезла мысль, и дух погас.

“Реке Кубре”

Граф работал во многих жанрах, писал комедии и драмы, оды и послания, элегии и сатиры, стансы и басни, эпиграммы и надписи, много переводил. Хотя на самом деле им написано немного: от силы два тома стихотворений современного издания (за 60-то лет!). Хвостов печатался в “Собеседнике любителей русского слова” Дашковой, “Покоящемся трудолюбце” Новикова, “Аонидах” Карамзина.

Хвостов слыл неподкупным чиновником, бескорыстно помогал деньгами нуждающимся литераторам, которых иногда даже имя слышал впервые. Он был почетным членом многих университетов и обществ. Друзья (А. Суворов, Г. Державин, И. Дмитриев, А. С. Шишков, И. Крылов и др.) считали его умным и честным человеком. У части читающей публики граф пользовался любовью и уважением, в глазах современников Хвостов был, например, достойным соперником Крылова в басне.

Дом Хвостова в Петербурге на Сергиевской славился своим гостеприимством: “скатерть тут не снималась с утра до поздней ночи”. В зале за длинным столом под малиновым сукном с золотыми кистями устраивались литературные чтения. Граф регулярно рассылал по университетам, академиям, гимназиям, училищам, коллегиям собрания своих сочинений.

У Хвостова был зоркий глаз и чуткий слух на поэзию, он точно судил о современных ему литераторах, для него было не важно, к какому из литературных лагерей принадлежал сочинитель. Так, именно Хвостов предлагал кандидатуру Карамзина для избрания в Российскую Академию. Присутствуя на знаменитом экзамене в Царскосельском Лицее летом 1816 г., Хвостов по прочтении Пушкиным “Воспоминаний в Царском селе” отметил “перелом классицизму”. 13 января 1826 г. он записывает в дневнике: “Я читал с удовольствием книгу, на сих днях появившуюся под названием *стихотворения Александра Пушкина*. В ней таланта много, остроты довольно, блеску еще более”. Новых веяний в литературе граф и сам не был чужд, считая при этом, что *легкость* и *гладкость* не являются достоинствами высокой поэзии:

Отщетной гладкости хлопчут только, мыслят,
Кто гладко пишет здесь, того пророком числят;
Иным писателям и я скажу без лести:
По гладким их стихам хоть шаром покати.

“Николаю Ивановичу Гнедичу”

Влияние “нового слога” особенно заметно в поздних его стихотворениях.

В 1831 г. Хвостов обратился к А. Пушкину с посланием, начинавшемся:

Тебе дала поэта жар
Мать вдохновения — природа;
Употреби свой, Пушкин, дар
На славу русского народа...

18 ноября 1831 г. Пушкин пишет Языкову: “Хвостов написал мне послание, где он помолодел и тряхнул стариной.” Не менее интересна и стихотворная переписка Хвостова с Языковым (см. наст. изд.).

Мир видимый и мир возможный
Умом своим создаст Поэт,
Но будет труд его ничтожный,
Коль благодатной искры нет.

“Николаю Михайловичу Языкову”

Страстная любовь графа к литературе и неколебимая уверенность в собственном даре помогали ему с олимпийским спокойствием и даже с некоторой иронией сносить насмешки собратьев по перу.

Люблю священных дев, люблю питомцев их,
И не смотрю на вопль детей Парнасса злых;
Но естыли скажут мне: толпа их встанет снова,
Чем оправдаешься, что им в ответ? — ни слова!

“Живописцу моему”

В примечании к посланию Гавриле Романовичу Державину граф пишет: “Мне случилось видеть 1803 года в Новгороде, еще при жизни Державина, рукопись, называемую *Ключ к его стихотворениям*, который ныне в разных изданиях печатается. В оном писано было об авторе сего стихотворения: *Стихотворец сей не имеет дарования*. Покоряясь таковому заключению знаменитого поэта нашего времени и приятеля своего, автор осмеливается печатать как сие, так и прочие свои стихотворения.” Хвостов сам в какой-то мере культивировал подобное мнение о себе:

Так точно, Апеллес! с тобою я согласен,
Удачен образ мой, твой труд был не напрасен.
Не мни, что подарил ты лавр бессмертный мне,
Меня изобразив хитро на полотне;

Коль тайны истощил всех живописных правил;
Ты только лишь себя, а не меня прославил;
Ты будешь, может быть, искусства образец,
А я остануся посредственный певец.

“Живописцу моему”

“Вот Сленину посланье”:

Ты, Сленин осторожный,
Попал в силки неложны,
Стихов моих взяв пук:
Не скоро спустишь с рук!..

.....

Потомства не увижу,
И с ним тебя не сблизю. —
Начто тебе портрет?
Начто мое творенье?..
Оно в реку забвенья
Не медля попадет.

“Ивану Васильевичу Слёнину”

Д. Дашков при вступлении Хвостова в Вольное общество любителей словесности произнес такую разгромную речь, что даже его ближайшие друзья осудили оратора, а потом исключили из общества. Сам же граф, поблагодарив, дружелюбно пригласил Дашкова к себе на обед и пообещал напечатать речь на свой счет. Лишь иногда в закамуфлированной форме Хвостов роптал:

Печаль, гонения, напасти
С младенчества за мной текут;
Напрасно в злополучной части
Уста отраднй день зовут:
Болезнью лютой отягченный,
Сетьми коварства окруженный,
Я — поругания залог,
И посмеянья стал виною;
Вещают в слух с улыбкой злою:
“Его спасти пусть придет Бог!”

“Из псалма ХХI”

Но надежда на посмертную славу никогда не покидала графа. Вот, наверно, самые проникновенные и трогательные стихи на этот счет:

Надеюсь, — может быть, в числе стихов моих
Внушенный Музами один найдется стих,
Быть может, знатоки почтут его хвалами,
Украсят гроб певца приятели цветами
И с чувством оценят не мыслей красоту,
Не обороты слов, но сердца простоту.

“Ивану Ивановичу Дмитриеву”

Г. Р. Державин в письме к Хвостову от 11 декабря 1805 г. писал:

“Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют.

Вот чего, кажется, самые наивеличайшие смертные во всех родах добиваются, а потому похвала современников ненадежна, как и на хулу их смотреть много не для чего. Признаки же истинного достоинства поэтов суть: 1) когда стихи их затверживаются наизусть и предаются преданием в потомство; 2) когда апофегмы из них в заглавии других сочинений вносятся; и 3) когда они переводятся на другие просвещенные языки. Чего и вам от искреннего сердца желаю...” Хвостов непоколебимо всю жизнь следовал совету старшего поэта и друга. М. А. Дмитриев в своих “Мелочах...” говорит: “Есть и у графа Хвостова стихи, которые назвали бы французы *des vers à retenir* <стихи для запоминания. — фр.>. Например:

Потомства не страшись его ты не увидишь!
<“К Г Раслову”>

или

Выкрадывать стихи — не важное искусство!
Украдь Корнелев дух, а у Расина чувство!”
<“Грабитель”>

В “Записных книжках” кн. Вяземского находится целый цитатник под названием “Красоты Хвостова”. Цепь цитат можно продолжать и продолжать, допустим:

Пузырь как ни надуй, но все он будет пуст,
И выйдет пустота из пузыревых уст.
“Солнце и молния”

Хвала правительству! — На рифмы пошлин нет!
“Ивану Ивановичу Дмитриеву”

Красавиц прихотливей Музы.
Беда, коль ступишь невпопад!
У них все чинно, стройно в лад;
На все закон, порядок, узы!
Число, местоименье, род —
Какое множество хлопот!

“Евсевию Ивановичу Лялину”

При жизни Хвостова активно цитировали, и, вероятно, только за отсутствием изданий его сочинений — перестали. Стихи графа пересыпаны множеством цитат из классиков, сентименталистов и романтиков, друзей и недругов (см. прим.). Впервые цитата стала осмысленным приемом в творчестве графа. Существовали переводы его стихотворений на французский.

Хвостов первым воспел пресловутые *березки*, всем навязшие ныне в зубах. Неоднократно о них, являющихся для графа символом родины. Он упоминает, например:

К березкам я моим, прекраснейшим древам,
Вещаю: “Вы забав свидетелями были;
Не прекословили вы юности играм,
И тень прохладную средь летних дней дарили;
Но скоро может час приблизиться, настать,
Что будете мой холм могильный осенять!”

“Катерине Наумовне Пучковой”

Имя Хвостова вечно, но и забытое творчество графа со взлетами и провалами — неиссякаемый источник вдохновения, благодатная почва для исследователей. Вот надпись “К моему портрету” (1827) — ключ для понимания творчества графа:

Семидесяти лет, старик простосердечный,
Я памятник, друзья! воздвигнул прочный, вечный,
Мой памятник, друзья, мой памятник — альбом
Пишите, милые, и сердцем и умом!
Пишите взапуски, пишите что угодно,
Пусть кисть и карандаш играют здесь свободно,
Рисует нежность чувств стыдлива красота,
Промолвит дружбы в нем невинной простота,
Я не прошу похвал, я жду любви — совета
Хвостова помните, забудьте вы поэта.

Предлагаю, *поэта* и *Хвостова* поменять местами, изменив рифме.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1757, 19 (31) июля Дмитрий Иванович Хвостов родился в Петербурге в богатой аристократической семье. Род Хвостовых известен с XIII века; воеводой при московском князе Данииле Александровиче служил предок Хвостова. Родители его, гвардии подпоручик Иван Михайлович и Вера Григорьевна (в девичестве Карина), были просвещеннейшими людьми своего времени. В их гостеприимном доме часто бывали известные литераторы, находившиеся в близком родстве с Хвостовыми: А. П. Сумароков, В. И. Майков, Ф. Г. и А. Г. Карины, а также многие другие писатели и поэты. Чтением стихов и разговорами о литературе заполнялся семейный досуг. В детстве Хв. получил отличное домашнее образование, а с 1765 обучался в частном пансионе профессора Литке и слушал лекции в Московском университете. По окончании университетского курса в 1772 Дмитрий Иванович был записан рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк. Во время службы он познакомился и сдружился с известным впоследствии поэтом-сатириком князем Дмитрием Петровичем Горчаковым (1758 — 1824). К этому времени относятся и первые стихотворные опыты Хв. 1777 — первое выступление в печати с трагедией “Легковерный”, поставленной в том же году на сцене придворного театра. 1779 — оставляет военную и переходит в гражданскую службу. Прослужив 4 года обер-провиантмейстером, с 1783 при генерал-прокуроре Сената князе А. А. Вяземском, для которого переводит “Трактат о финансах” французского министра Ж. Неккера. Будучи уволен со службы в 1787 за неявку к должности в чине подпоручика, уезжает в Москву. 1789, 17 января Хв. женится на княжне Аграфене Ивановне Горчаковой (1768 — 1843), родной племяннице А. В. Суворова. Че-

рез год (1790) по ходатайству последнего он получает чин подполковника Черниговского пехотного полка с повелением “состоять при дяде” и возвращается в Петербург. Фактически же Хвостов, умный и деятельный, становится личным секретарем Суворова, его неизменным поручителем при Дворе, когда полководец вынужден был находиться неотлучно в действующей армии. “Он принял меня в особливую милость свою и удостоил неограниченною доверенностию. Нет тайны, которой бы он мне не вверял. Все отношения к императрице Екатерине II и императору Павлу I во время италийской кампании шли через мои руки,” — вспоминал Хв. Сохранилось более 250 писем, адресованных Хвостову (в один день иногда отправлялось по 2-3 письма), около 90 из них опубликованы в кн.: А. В. Суворов. “Письма”. — М., 1986. Все биографы Суворова пользовались материалами этой переписки. В доме Хв. жила сестра Суворова, его дочь (до замужества) и сын (до вступления в службу). 1791 — избирается членом Российской Академии и принимает деятельное участие в составлении Академического словаря русского языка. 1794 — публикует свой перевод “Андромахи” Ж. Расина, впоследствии 3 раза переиздававшейся и многократно представлявшейся на театре. 1795 — Екатериной II пожалован в камер-юнкеры. 1796. В семействе Хвостовых родился единственный сын Александр (умер бездетным в 1870). Со вступлением на престол императора Павла I в служебной карьере Хв. происходят существенные перемены: 1797 — произведен в действительные статские советники и становится обер-прокурором Сената; на ту же должность в Синод его переводят в 1799; 4 октября по ходатайству Суворова король Сардинии Карл Эммануил IV пожаловал Хвостову графское достоинство. 1800 — произведен в тайные советники. 6 мая в квартире Хв. на Крюковом канале после внезапной болезни неизменный его бла-

готворитель и великий полководец умер. Добрую память о нем Хв. сохранил на всю жизнь. 1802. Произошли три важных события, изменившие жизнь и литературную судьбу Хвостова: во-первых, он вышел в отставку и целиком “обратился к поэзии”; во-вторых, Александром I был подтвержден графский титул с формулировкой в рескрипте: “за подвиги Суворова в Италии”; а в-третьих, вышла его книга “Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами”, принеся печальную славу. Хв. переезжает в Москву, где с 1804 вместе с поэтами П. И. Голенищевым-Кутузовым и П. П. Бекетовым (впоследствии к ним присоединились поэт граф Г. С. Салтыков и драматург Н. Н. Сандунов) начал издавать журнал “Друг просвещения” (просуществовал три года), в котором впервые был напечатан “Новый опыт исторического словаря о российских писателях” митрополита Евгения. Отдел критики в журнале отсутствовал, т. к. она “губит дарования и пользы не приносит”. Тогда же он закончил перевод “Науки о стихотворстве” Н. Буало-Депрео, выдержавший 5 изданий с 1808 по 1830 г. Граф считал его одним из главных трудов своей жизни. 1807. Граф снова в Петербурге; пожалован сенатором. 1811 — принимает участие в организации “Беседы любителей русского слова”; деятельно работает в ней. 1817. Предпринято первое полное собрание стихотворений в 4-х частях. 1818 — становится членом Государственного совета. 1821 — начат выпуск второго полного собрания в 5-и частях. 1828. Хв. издает третье собрание стихотворений в 8-и томах. 1831. Граф получил чин действительного тайного советника и вышел в отставку; начинает работу над “Словарем русских писателей” на основе своего обширнейшего литературного архива. 1835, 22 октября Хв. умер в Петербурге, не закончив работу над “Словарем” и 8-м томом полного собрания сочинений. Похоронен в родовом имении.

ГРАФ ХВОСТОВ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

“Почти на каждом из наших писателей заметно влияние, более или менее смешанное, какой-нибудь из иностранных литератур или которого-нибудь из наших первоклассных писателей. Есть, однако же, у нас особенная школа, оригинальная, самобытная, имеющая свои качества, свое направление, своих многочисленных приверженцев, совершенно отличная от всех других, хотя многие из наших писателей заимствуют у нее красоты свои. Школа сия началась вместе с веком, и основателем ее был граф Дмитрий Иванович Хвостов. . .” — Иван Васильевич Киреевский (1806 — 56). — “Обозрение русской словесности за 1829 год”, “Денница”, 1830.

“Теперь вся наша словесность лежит на могучих плечах известного всем трудолюбца, без которого стихи и проза: все легко, все ничего не стоит; который, как хитрый Протей, возобновляет себя в разных видах: неиствует в одах, глупит в притчах, лепечет в мадригалах, и даже начинает рыться в прахе истории. Сказывают, что журналисты Ваши уже открыли глаза и отдают ему справедливость. Честь и слава его долготерпению.” — Из письма И. И. Дмитриева к Дмитрию Николаевичу Блудову (1785 — 1864) от 8 августа 1820 г.

“В дурном и глупом, когда оно в величайшей степени, есть свой род высокого — *le sublime de la bêtise* <“высокое в бессмыслице” (франц.) — *сост.*>, то, что Жуковский называл “чистою радостью”, говоря о сочинениях Х<востова>. Без всякого сомнения, не в пример забавнее прочесть страничку, другую Х<востова> или Тредьяковского, нежели страничку же какого-нибудь Василия Пушкина или Владимира Измайлова: первые иногда уморят со смеху, вторые наведут скуку и — только.” — Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797 — 1846). — Запись в дневнике от 12 августа 1832 г.

“В этом обществе <Беседе любителей русского слова. — *сост.*> после Державина занимали почетное место: А. С. Шишков. . . и В. В. Капнист. . . Сюда же должно включить лицо оригинальное — графа Д. И. Хвостова, этого бездарного метромана, до конца жизни своей страстно преданного литературе и из любви к ней с твердостью переносившего остроты и колкие шутки, которыми осыпали его со всех сторон.” — **Сергей Семенович Уваров (1786 — 1855). “Литературные воспоминания”.** — “Современник”, 1851, № 6, отд. II.

“Я смотрю с умилением на графа Хвостова. . . за его постоянную любовь к стихотворству. . . Это редко и потому драгоценно в моих глазах. . . он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то теплым и живым. Увижу, услышу, что граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: “Вот любовь достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет.” — **Из письма Николая Михайловича Карамзина (1766 — 1826) к И. И. Дмитриеву, 1824 г.**

“С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным. Перечитывал я на днях письма Дельвига: в одном из них пишет он мне о смерти Д. Веневитинова. “Я в тот же день встретил Хвостова, говорит он, и чуть не разругал его: зачем он жив?” — Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет.” — **Из письма А. С. Пушкина к Петру Александровичу Плетневу (1792 — 1865) от 3 августа 1831 г.**

“Граф Хвостов, трудолюбивый стихотворец, писал в различных родах, и в нем нередко встречаются новые мысли. Одами своими заслужил он недвусмысленную славу, и публика уже оценила все поэтические его произведения.” — **Александр Александрович Бестужев (Марлинский) (1797 — 1837). “Взгляд на старую и новую словесность в России”.** — “Полярная звезда”, 1823.

“Между сими мелкими лицами <сотрудниками “Беседы”. — *сост.*> в памяти моей возникает одно крупное лицо, которое раза два мимоходом пришлось мне назвать. Дмитрий Иванович Хвостов, первый и последний граф сего имени (ибо пожилой сын его, вероятно, не женится), был известен всей читающей России. Для знаменитости, даже в словесности, великие недостатки более нужны, чем небольшие достоинства.” — Филипп Филиппович Вигель (1786 — 1856). “Записки”.

“Труды его <Хвостова. — *сост.*> необъятны: единый взор на них утомляет память и воображение, а знамения побед его изумляют нас, поражают. Он вознесся превыше Пиндара, унизил Горация, посрамил Лафонтена, победил Мольера, уничтожил Расина.” — Дмитрий Васильевич Дашков (1788 — 1839). Из “Речи, читанной в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств 14 марта 1812 г.”

“Граф Хвостов представил современникам своим пример благородного, неутомимого занятия отечественною словесностью, вопреки всем препятствиям и неудачам.” — Николай Иванович Греч (1787 — 1867). “Обозрение истории русской литературы”.

“Les morceaux les plus remarquables sous le rapport de l'originalité et de l'agrément des pensées sont “Swetlana”, par m-r Joukoffsky, “Une épître” de m-r le comte de Kwastoff, “Les deux pêcheurs” de Gneditch et “Le Tasse mourant” de Batuschkoff.” — Pierre Baour-Lormian (1770 — 1854). “Journal de Paris politique, commercial et littéraire”, 2 Janvier 1824.

[“Наиболее примечательны своей оригинальностью и красотой мысли — “Светлана” г. Жуковского, “Послание <И. И. Дмитриеву. — *сост.*>” графа Хвостова, “Два рыбака” Гнедича и “Умиравший Тасс” Батюшкова.” — Пьер Баур-Лормиан (1770 — 1854). “Парижский журнал политики, коммерции и литературы”, 2 января 1824.]

“На развалинах словесности останется один столп — Хвостов...” — Из письма Константина Николаевича Батюшкова (1787 — 1855) к кн. Петру Андреевичу Вяземскому (1792 — 1878) от 10 мая 1812 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

02
Библиотеку Карьковского

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

Коллежника

СТИХОТВОРЕНИЯ

отъ Г. Сочинителя

Г. Д. С. П. А. В. С. П. С. В. С.

за труды не тщется и не жаждет славы

ЧАСТЬ II.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографии Императорскаго
Воспитательнаго Дома 1837 года

№ 20 2044 7-я 7.

Титульный лист полного собрания сочинений графа Хвостова
с автографом автора (из частного собрания)

РЕКЕ КУБРЕ¹

Кубра! ты первая поила
Меня пермесскою водой,
Младое чувство возбудила
Прельщаться греков простотой.
Я на берегу твоём высоком
Всегда спокойным сердцем, оком
Ловил природы красоты;
Не знал кумиров зла, ни мести,
Не зрел рабов коварства, лести,
И собирать хотел цветы.

Хотел, подруги Феба, Музы,
По вашим странствовать горам,
Нося прелестные мне узы,
Куришь пред вами фимиам
И воду пить пермесских токов,
Как Ломоносов, Сумароков,²
Парил я в мыслях на Парнасс,
Дерзал стремиться вслед Гомера;³
Но вдруг представилась Химера,
Исчезла мысль, и дух погас.

Кубры оставя ток прозрачный
Приятных и спокойных вод,
В предел я поселился мрачный,
В превратный пояс непогод,
Где светлый жезл куют морозы,

Весной дышать не могут розы,
И где сердитый царь Борей,
Неистовым свирепством полный,
Далече посылает волны
Губить богатый злак полей.

Кубра, вийсь кольцом и ныне,
Спешит мои березки мыть,
Течет торжественно в долине.
Зачем не суждено век жить
Мне там, Кубра, твое где ложе,
Где те, кто мне всего дороже,
Где я без желчи воду пил,
В восторге радостном и мире
Играл среди весны на лире,
И сладость бытия вкусил.

Хребет свирепого Нептуна
Пловец стремится попить,
И стрелу грозную Перуна
Средь бурь дерзает отражать.
Когда смирятся моря бездны,
Весельем дышит берег любезный,
Наскучит смертоносный вал,
К пенатам кормчий возвратится;
Раскаянье в душе родится,
И подвиг славы скучен стал.

В игривых мне волнах являет
Кубра обилие чудес,
И мысль крылатая летает
На свод лазуревый небес.

Далече простираю взгляды:
В эфире плавно мириады
Своей катятся чередой;
Громады гор, вод быстрых бездны
И смертного труды полезны
Теперь сияют предо мной.

Что протекло, возобновляю
По воле в памяти моей;
С Сократом вместе обитаю
Благотворителем людей.
Дух любопытственный насытитъ
И созерцанием восхититъ —
Источник истинный утех;
На мир раскинуть мысль свободну,
Постигнуть красоту природну —
Веселие превыше всех.

Пускай Кубры прозрачной воды
Мне в сердце радости вольют,
И лет моих преклонных годы
Без огорчений протекут.
Она мила между реками:
Приятно щедрыми судьбами
Я совершаю срок годов.
Я начал здесь играть на лире,⁵
Засну, оконча песнь Темире,⁵
При шуме от ея валов.

1803

О КРАСОТЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА⁶

По-Русски сочинять возможно чисто, плавно,
И при Неве стяжать бессмертно имя славно.
Препоны нет к тому. — Ужель единый Галл
Лавровые леса себе отмежевал?
Ужели он один ток светлый Ишпокрены
Умел соединить с струями чистой Сены?
Не спорю — многие французские певцы
Приобрели давно бессмертные венцы;
Но сколько и у них на Пинде захромали
И, Муз искав, весь век в глаза их не видали?
Котинов множество, Прадонов бедных тьма;
Язык не виноват, коль нет в творце ума;
И естли в голове не лягут мысли ладно,
Как ревность ни пылка — ты петь не будешь складно.
Мне скучен, надоел без доказательств крик,
Что груб, невычищен и беден наш язык;
Что нам возможно петь Царей, Героев, Бога,
Но что шутливого не достает нам слога;
Нет той веселости, той нежности в речах,
Какими славятся Певцы в других странах;
Что длинные слова, реченья стародавны
Не могут быть легки, затейливы, забавны;
Что менее ста лет у нас поют Певцы;
Что мы наставники себе и образцы.
Бесспорно — наш язык богатый, сильный, стройный,
Всем мыслям, чувствам и лицам всем пристойный,
Являет способы обильные певцам
Греметь победну песнь Героям и Царям.
Коль Россам свойствен дух Виргилия, Мильтона,
Почто быть может чужд им дух Анакреона?

И резвый купидон, и общество зверей,
И острый Мома двор, и Флора средь полей
В России множество наперсников имели,
Которые луга, кустарники воспели;
И, тайные открыв природы красоты,
На Северных снегах рассыпали цветы.
Потомству огласят Квинтилианы строги:
Здесь милой Душеньки построены чертоги.

Французы! ваш язык не то, что прежде был;
Свой блеск и красоту от Муз он получил.
Корнелий мыслию высокой удивляет,
Расин приятностью и чувствами пленяет,
Зрит тайны Молиер сокрытые сердец,
Берет Де Ла Фонтен за басенки венец.
Не сам язык возник, но разумы крылаты,
Но огненны сердца, но чувства богаты
Удобны сообщить ему безмерный вес
И молнии рождать, и гром свести с небес.

У нас Мароны все, и все восторгом дышут;
Возьмут чернильницу, перо, бумагу — пишут.
В искусстве не узнав ни правил, ни конца,
Печатают стихи и ждут от Муз венца.
Но естли бредни их венчает смех народный,
Творец не виноват; — а кто ж? — язык бесплодный!..
Не диво, что у нас стихов негодных тьма,
В которых смысла нет, ни вкуса, ни ума.
Тот хочет быть высок, другой быть хочет сладок,
Совсем не ведая, что слог и что порядок.
Один, из старины тяжелый взяв запас,
Которого поднять не в силах сам Пегас,

Чтоб вежливей сказать, сшлести любви веночки,
Любезной говорит: *мы быхом голубочки!*
Тот к другу в грамотке, прияв нам чуждый тон,
*Из Киева в Москву приходит на поклон;*⁷
И, оборот схватя несвойственный и бедный,
Приносит языку красы в подарок вредны.
Мне скажут вопреки: “Отколь примеры взять?
Где в слоге оборот красивый почерпать?”
Творцу искусному не может быть препоны;
Гласит он языку, как Царь, свои законы.
Из груба вещества, из мраморных столбов
Бессмертный Фидиас образовал Богов.
Гораций — славный Муз любимец и любитель,
Совместник Пиндара, Поэтов просветитель,
Давно прекрасными стихами возвестил,⁸
Что рок здесь всем вещам пределы положил;
Что горы рушатся и понты иссыхают,
Подобно так слова конец себе сретают.
Употребленье, Царь всевластный языков,
Приемлет новые на место старых слов.
И ты, певец, не чти в числе красот великих
Невнятный никому набор речений диких;
Согласно с временем, речь плавну избери,
Как нежны Грации, стихами говори.

Так Римлян Флакк учил, так поучает Россов
Наш Северный орел, великий Ломоносов,
Он древня языка проник высокой дух,
Но оскорблять не смел ни разум наш, ни слух.
Как гордая река, стремяща быстры волны,
Так он, величеством и светлым духом полный,
Определяет цвет и виды всем вещам,

Прельщает звуками и вес дает словам.
Венчают похвалой его потомки поздны,
Певцам судьи сии неумолимы, грозны.
Он знал высокой дух искусством подкреплять
И слово каждое где должно поставлять.
Коль спросишь: где язык? — возьми Славянски книги,
И их не почитай за тяжкие вериги;
Они светильники, хоть от премены лет
Их луч не теплоту, а блеск единый льет.
Бессмертны красоты в сатирах Кантемира,
Но слог подвергнулся премене общей мира.
Бери сокровища из древней кладовой,
Придав им новые и образ и покрой;
Располагай стихи ты правильно по-Русски;
Ни мысли не слагай, ни речи по-Французски.
Не спорю я о том, хорош чужой язык,
Но, с Русским смешанный, несвойствен, груб и дик;
Хотя исполнен ты, Пиит, огня и дара,
Без знанья в языке не мчись вослед Пиндара;
Когда язык себе чрез труд не покори,
На подвиг не дерзай, — в тебе не станет сил.
Душа поэта дар — я утверждаю смело;
Но краски где возьмешь очам представить тело?
Готовы бытия природы на руке;
Но дар их оживлять — искусство в языке.
Как Ариадны нить влюбленному Тезею,
Язык поэту вождь, какой идти стезею.
Местоимение, Наречие, Глагол,
Пускай бессмыслицы — вина пииту зол.
Соединение меж рифмы и рассудка
Покажется смешно, однако, и не шутка.
На Пинде множество преславнейших певцов,

Слог чистый не блюдя, мрачили блеск венцов.
Виргилий и Расин язык не оскорбляли,
И слога чистотой читателей пленяли.

Коль знаешь свой язык, дерзай бесстрашно в путь:
Попутный ветер тебе приятно будет дуть;
Ты быстро пролетишь места, где гор вершины
Грозят обрушиться морских валов в пучины,
Где бурей грозных Царь, где яростный Борей
Двумя стихиями разит среди морей.

Коль в мысли дерзостной предпримешь подвиг звучный
Потрясть Олимпа свод, как Бриарей сторучный,
Тебя не утрашит ни гнев морских валов,
Ни пламень тартара, ни грозный треск громов.

Коль дух твой угнели явления ужасны,
Предстанет пред тебя природы лик прекрасный:
Там холмик, там ручей, там кроткий василёк,
Там Сильвия плетет для милого венок,
Зефиры нежатся, поверх воды порхают,
Лилеи с розами, сцепясь, благоухают;
Стекается красот многообразных тьма
Для мысли пламенной, для сердца и ума.

Будь мыслями высок, а в слоге чист и плавен,
Тогда твой будет стих величествен, забавен;
Тогда бери кинжал, или с зверьми шути:
К Кастальскому ключу другого нет пути.

Коль чужд тебе язык, иль скуден дар природный,
Простися с Музами, твой будет труд бесплодный.
От стихотворного отстань ты ремесла;
Ползущих на Парнасс не умножай числа.

<1803>

ЭПИГРАММА

Нельзя о новости стерпеть твоих мне врак.
Узнай в моем ответе,
Что нового нет ничего на свете,
Не новое и то, что ты дурак.

1806

РИФМУШКИНУ

Рифмушкин говорит:
“Я славою не сыт;
Собранье полное стихов моих представлю,
По смерти я себя превозносить заставлю,
Издание полное — прямой венец труда!
Нет нужды в справке,
Остаться я хочу, остаться навсегда...”
Приятель возразил: “У Глазунова в лавке.”

1804

ДВЕ ТРАПЕЗЫ

Кричит какой-то стиходей,
На праздник приглася премножество людей:
“Я две трапезы дам для милых мне гостей —
Сперва духовную, потом плотскую.”
Сказали гости все: “Мы будем на вторую!”

1780

ИЗ ПСАЛМА XXI

Моей молитве, Вседержитель,
С эфирной области внемли;
Или, мой Бог и Покровитель,
Не слышишь вопля от земли?
Средь многих бед, скорбей и стона
Утехи жду в сени закона;
Едва блеснет поутру день,
К Тебе единому взываю,
К Тебе обеты воссылаю,
Когда наступит ночи тень.

Печаль, гонения, напасти
С младенчества за мной текут;
Напрасно в злополучной части
Уста отраднѣй день зовут:
Болезнью лютой отягченный,
Сетьми коварства окруженный,
Я — поругания залог,
И посмеянья стал виною;
Вещают в слух с улыбкой злою:
“Его спасти пусть придет Бог!”

Тобой, Господь, я исторгался
Из чрева матери моей,
И от ея сосцов питался
Млекоточивою струей.
Звездами полный свод небесный —
Ручитель мне надежды лестной...
Ты, Боже, щит мой и совет!
Средь злоключений повседневных,

Среди утрат, скорбей душевных
Заступника другого нет.

Десницею необоримой
От светлых небеси высот,
Творец Святой, непостижимый!
Ты осеняешь смертных род.
Я — червь, ничто перед Тобою,
Но движуся Твоей рукою.
Мне близок был последний час; —
К Тебе, мой Бог, вознес я взоры,
И Ты, в бедах Помощник скорый,
Мой не отринул слабый глас.

Как вол стремится разъяренный,
Добычу в ясный день гоня,
И в дебри лев ожесточенный
Рыкает, с зубом зуб стесня:
Мучительной болезни силы
В неисходимый ров могилы
Мне дверь готовились отверзть;
Уже когтями плоть терзали,
Уже и кровь мою сосали,
Состав преобращая в персть.

С лучами солнца разлученье
Смиранный дух крушило мой;
Я видел смерти приближенье
Нетихою ко мне стопой;
Как ночь, мне зрелось дня светило,
И сердце скорбное уныло
Переставало трепетать,

И мысль живая отлетала,
И с костью кость сойдясь, стучала,
И отrekliсь уста вещать.

Тогда молитвы состраданья
К Престолу Твоему текли.
Ты, Боже, радость, врачеванье
Сынов покорных на земли.
Как луч царя светил отградный,
Как дуновеньем ветер прохладный
Всех былий освежает род:
Ты милость мне свою прибавил,
Еще здесь возгласить оставил
О множестве Твоих щедрот.

<1810>

ЖИВОПИСЦУ МОЕМУ

Искусно ты меня, художник, написал,
Со светом купно тень волшебю сочетал,
И сам чрезмерно рад, что кончил труд счастливо.
Любуясь, на него ты смотришь горделиво
И громко говоришь: ступай теперь, Хвостов,
Награду получить достойную трудов;
Стань смело на ряду с бессмертными творцами⁹
И, скромность отложя, красуйся их венцами.
Там, зри, наставник твой, Омир полночных стран,
Там Русский Златоуст, бессмертный Феофан,
Венчателю заслуг, гонители пороков,
Там громкий Пиндар наш, там Феспис — Сумароков;
Они средь хладных стран, средь темноты ночей
Простерли далеко сияние лучей.

Так точно, Апеллес! с тобою я согласен,
 Удачен образ мой, твой труд был не напрасен.
 Не мни, что подарил ты лавр бессмертный мне,
 Меня изобразив хитро на полотне;
 Коль тайны истощил всех живописных правил;
 Ты только лишь себя, а не меня прославил;
 Ты будешь, может быть, искусства образец,
 А я остануся посредственный певец.

Нельзя прославиться чужими нам трудами;
 Виной себе хулы, или похвал, мы сами.
 Пусть образ мой внесут туда, где Россов Царь
 Щедротою своею воздвиг для Муз олтарь;
 Где в ярости Сатурн, внимая песни громки,
 Бросает, утомясь, косы своей обломки.
 Согласен, — буду там; скажи, что пользы в том,
 Что я с Державиным столкнусь лице с лицом?
 Все Музы ведают, Гораций сей Российский
 То на горы взлетит Кавказски и Алпийски,
 То строит ревностно великолепный храм
 Царице, что вела нас к славе по цветам;
 То, приглася к себе певца Анакреона,
 Амура славит с ним, Царя утех и стона,
 Голубку приманит с руки своей клевать,
 И сладко на его коленях засыпать.¹⁰

Пусть там подле себя увижу я Хвостова,
 На стенке, в рамочке, точь-в-точь как бы живого;
 Сей острый родич мой вдруг видит свет и тень;
 Его Пирроном быть не допустила лень;
 На долгих на Парнасс, судей бояся строгих,
 Скорей других попал, и далее был многих.

В соседстве у меня является Шишков,
Страж добрый языка и нрава праотцов.
Зачем лице его задумчиво и строго?
Он мало говорит, но размышляет много;
Перо Шишкова — бич несмысленным певцам
И вкуса нового негодным образцам.
Что вижу близ меня! мой охранитель Гений,
Наперсник мудрости, почтеннейший Евгений,
Который, кажется, беседа со мной,
Мне громко говорит: любитель Муз, постой,
Коль хочешь ты себя через стихи прославить,
Старайся в полном их сиянии представить.
Пекись, коль лирой мнишь хвалы приобретать,
Ты вдохновение с искусством сочетать;
Знай, дар как молния блеснет и исчезает,
Искусством подкреплён, как солнце, он сияет.
Дар может щеголять страничкою одной;
С искусством дар не зрит границы никакой.

Желаем мы смотреть на образ Кантемира;
Хотя уже давно его умолкла лира,
Но лишь не умолчит в своих сатирах он.
А мне зачем лететь на Русский Геликон?
Скажи, зачем, коль путь к нему утесист, скаток
Потомству отдавать лице свое в задаток?
При жизни похвала, без лести говоря,
Сиянья вечного единая заря.
Беда, когда хвалы потомки мне умалят!
Бессмертен тот певец, кого по смерти хвалят.
О! Музы! вами я с младенчества любим,
Тому свидетели Афины, древний Рим.
Люблю отечество, люблю язык природный,

Богатый наш язык, и звучный, и свободный.
Я, к Музам, к родине в душе питая жар,
Дерзаю приносить им в жертву скудный дар;
Всегда прелестны мне Парнасских дев союзы:
Всегда родят восторг божественные Музы;
И в недрах праздности, и посреди трудов
Ищу отрад в тени священных их лесов.
Российский Богатырь молниеносных взоров,
Когда здесь умственно, пример вождей Суворов,
Среди Петрополя Европу облетал,
Где должен грянуть гром, как Зевс, располагал,
Оплотом заградил к нам льва набеги смелы,
Готовил, яростный, на чалмоносцев стрелы,
Премудрости рукой вода, как на войне,
Герой участие в сих тайнах вверил мне.
Я в Трою мысленно тогда летал без страху,
И выгадал часок похитить Андромаху.
Пусть на меня за то неложный Фебов сын,
Наперсник славный Муз, рассердится Расин;
Я справедливого не опасуюсь гнева.
Равно и не боюсь зоилов лютых рева.
Пускай озлобятся, терзаются, шипят,
Пускай в неистовстве льют смертоносный яд;
Они, как вран ночной, угрюмы, мрачны, грубы;
Что нужды до того? пусть изощряют зубы;
Люблю священных дев, люблю питомцев их,
И не смотрю на вопль детей Парнасса злых;
Но если скажут мне: толпа их встанет снова,
Чем оправдаешься, что им в ответ? — ни слова!

Моя в беседе Муз приятно жизнь течет;
Признаюсь, для меня Зоилов в свете нет.

Когда я чистых дев вниманья удостоен,
Между Зоилами остануся спокоен.
Я знаю — нравам нет, ни обществу вреда
От моего в стихах безвинного труда.
Себя в досужный час стихами забавляю,
Читателям мою оценку оставляю;
Пекусь с приятельми представить набело
Законодателя в поэзии Буало.
Что можно, делаю, а естли не умею,
От сердца чистого без желчи сам жалею.
Не столь я знаменит, чтоб древних по следам
При жизни воздвигать себе бессмертья храм.
Что нужды? пусть пишу для пользы, для забавы;
За труд не требую и не чуждаюсь славы.

<1812>

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Слава Матушке Царице!
Русский жалует народ,
Соблюдая и поверье,
Любит нашу старину,
И кокошник надевает,
И Царевен наряжает
В сарафаны и фату.
Слава Матушке Царице!
Русский жалует народ.

Чудотворца Николая
Величает церковь день,

Вместе празднует Россия
День любимого царя:
Жен и дочерей Боярских
Много, много в храм вступило
В платье Русском давних лет.
Слава Матушке Царице!
Русский жалует народ.

Люд рабочий, православный
Вкруг подъездов у дворца
Стал о празднике толпиться,
С земляками толковать:
“Вот наряды, как в деревне,
Ну, Боярыням спасибо,
Вновь теперь мы видим Русь.”
Слава Матушке Царице!
Русский жалует народ.

Обитая в сердце, радость
Выступает на лицо,
Все исполнены восторга
И друг другу говорят:
“Мы слышали дедов речи,
Что святое предков слово
Крепко, твердо без порук.”
Слава Матушке Царице!
Русский жалует народ.

Нужны ль прихоти чужие,
Где сияет красота,
Как в ночи звезда небесна?
Под повязкой парчевой,

Восхитительна, прелестна,
Лучше, нежели под беретом,
Роза без прикрас мила.

Слава Матушке Царице!
Русский жалует народ.

6 декабря 1833 г.

АЛЕКСАНДРУ ФЕДОРОВИЧУ ВОЕЙКОВУ ¹¹

Воейков! любишь ты по разуму хвалить,
Иль основательно Поэзию хулить.
Разумно говорил родитель нашей сцены
(Но сей несчастливый наперсник Мельпомены
В чертогах у нее пусть только лепетал,
Удачливо подчас Зоилов щекотал):
*Достойной похвалы невежды не умалят,
А то не похвала, когда невежды хвалят.*
Напрасно отвергать нам правду этих слов:
Все наши похвалы в журналах наших, брани
Суть просто дружеству иль ненависти дани;
Но где, скажи, когда в беседе знатоков
Без желчи оценить могли живых певцов?
Везде пристрастно Муз венчают или вяжут:
То Греки, Римляне, Французы нам покажут.

Я сам, последний из Фебовых сынов,
Слышал себе хвалы, ругательства без меры;
Середки нет: здесь все *врали* или Вольтеры!
Питомец глупости, приветливый Минос,
Готов писателю кадить некстати в нос;
А если в ссоре с кем, в минуту без препоны

Он Богдановича разжалует в Прадоны.
 Ты, взяв Жуковского в число своих друзей,
Хвалою дорожи разборчивых людей.
 Пусть мнимых знатоков нелепые здесь сонмы
 Бросают лавр друзьям, а на таланты громы:
 Что нужды до того? Прошло почти сто лет,
 Как Ломоносова сияет чистый свет;
 Но разве Лирика бессмертного Зоилы
 В досаду истине щадили до могилы?..
 Без убыли речей, без траты образцов
 Оставим воевать мы с Музами глупцов!
 Пусть Геллерт басенку старинную расскажет,
 И языки пустых хвалителей привяжет...

8 декабря 1823

ПОЭТ И ЕГО СУДЬИ

Басня

Поэт, и не худой,
 Актеров и актрис прельщаяся игрой,
 Задумал сам себя трагедией прославить;
 В минуту принялся трагедию составить.
 И для трагедии своей
 Не спит Поэт ночей;
 О том ни слова —
 Трагедия готова.
 Он к знатоку ее принес —
 И не добился слез.
 Хорошие стихи знаток и превозносит;
 Но в свойстве лиц иных вероподобья просит,
 И многое кой-что судья не похвалил.

Правдивой критикой писатель огорчился,
И наконец пустился
(Отец он был)

Свое творение читать повсюду явно.
Глупцы ему кричат: “Вот бесподобно, славно!
Трагедией своей ты лавры расплодишь;
Расина победишь!”
Поэт смекнул, что хуже брани
Такая похвала.

Ну, лесть и никому не может быть мила;
Начто писателю вранья пустые дани?
Но Трагик критика почувствовал урок
И свой любимый плод упрятал под замок.

Коль Критик порицать в творениях что станет
Благодари, Поэт! О, это ничего!..
Беда несноснее всего,
Коль с похвалой глупец вдруг на тебя нагрянет:
Тогда стихи свои ты в свет не выпускай,
Или скорей в огонь бросай.

1823

К Г. РАСИЛОВУ

Я в сказочке урок прекраснейший читал,
Что батюшка сынку, изобретая средство
Упрочить счастье в законное наследство,
Удачливым путем путь глупости считал. —

Расилов! так и ты вопрос мне сделал чудной,
Как имя получить дорогою нетрудной.

Судейства бегаешь, чтоб скорою рукой
Подобного себе не поиграть судьбой.
Кричишь, что на войне нередко полубоги
От ядер и свинца теряют руки, ноги.
Желаешь, чтоб тебе я звание избрал,
Где б ты со славою беспечность сочетал;
Избытком нежимый, забытый в жизни роком,
От лени мог прослыть в углу своем пророком,
Уважен в обществе, с вельможами знаком. —

Скажи, намерен ли быть светским мотыльком?
Коль так — употреби заботливость большую
Колесами стучать всегда о мостовую.
Исправен будь платить визиты — не долги;
Знай вести; коль их нет, выдумывай и лги.
Умей за ужином игривыми словами
Равняться выслугой с бессмертными умами;
Толпу прелестну зря, зефира представляй;
Лови приятеля и вскоре с ним скучай.
Средь жизни удаля деятельность унылу,
Младенцем опустишь при старости в могилу.

Иль, карты полюбя, будь записной игрок;
Разыгрывать мизер открытую жесток.
Коль будут приходить мизеры часто в руки,
Не будешь вечно знать ни голода, ни скуки.
Сидя с хозяйкою за ломберным столом,
Средь общества игриц ты прослывешь орлом.
Мурныча песенку, ты взятки будешь числить,
Не много говорить, гораздо меньше мыслить.
Но осторожным будь, и, не смотря на шум,
Ты помни тройки все, в туза вперь свой ум.

Соскуча роскошью и негою зловредной,
К природе обратись средь отчины наследной.
Где будешь выездом ты псовым щеголять,
Животных гибелью себя увеселять.
Где слуг полдюжины, с чиновными и боле,
Тебя торжественно сопровождают в поле.
Стремянный смешливый, вздев шапку набекрень,
Блюдет, чтоб милый пес не наскочил на пень.
Где все охотники великолепным строем
Рыссой под острова текут перед героем.
Когда ты знак подашь, то, внемля звук рогов,
В минуту гончие спускаются с смычков.
Дубравы красные, места покоя, мира,
Где лист колеблется лишь веяньем зефира,
Внимают визг и лай, и ржание коней,
И разных звуков смесь, и хлопанье бичей;
Но шум, смятение с необычным свистом
Вещают, что уже зверок на поле чистом:
Борзые, гончие, выжлятники, псари
Несутся кучею; там крик: “Сюда! — смотри!” —
Там всадник всадника во всю прыть конску гонит
От топота копыт земная тяжесть стонет.
А, наконец, когда затравленный зверок
Любимым псом твоим повергнется у ног;
Настанет торжество и громко восклицанье,
Начнут, сойдясь в кружок, о славе состязанье,
Тот *Искре* лавр дает, тот, время улуча,
К тебе ласкается хвалою *Сорвача*;
Охотник тот, чьи псы без славы день скакали,
Обратный правит путь, склонив главу в печали.

Но, гневный на меня ты обращая взор,
Кричишь, что мой тебе наскучил разговор;
Что травлей забавлять себя теперь не время,
Что Россов тяготит войны свирепой бремя,
Что наших праотцев под гробовой доской
Стопами вражьими нарушен мир, покой.
Что Лены с берегов, с подошвы Чатыр-даха,
Текут отмстители, не ощущая страха.
Все Россы войны: олтарь, соха, весы,
Все, духом возмужав в ужасные часы,
Вспомня древний град, отмщением пылают;
Любимому Царю, усердствуя, вещают:
“Москва уж не в Москве, Москва вся там, где ты —
Наполнясь Твоего мы духа высоты,
Отмстим торжественно свирепому тирану,
За принесенную Москве болезнь и рану;
Закроем льва сего ненасытимый зев —
Ударим, поразим — пусть наша месть и гнев
Россию не одну спасет и воспрославит,
Европу целую поносных уз избавит;
И царства и цари — все совосплещут нам!
Все придут льва терзать и рушить по частям.
Но мы, питая гнев неукротимый, ярый,
Мы первые дадим жестокие удары!
Злодея окропим мы каменным дождем,
Пусть лижет персть, пусть он, с поруганным хребтом,
Едва дыша, бежит сквозь лес, чрез бурны воды;
Тогда познают все стесненные народы,
Что сей вселенной бич, толь славимый в боях,
Для малодушных был на Юге диво, страх.”
Мешает коль болезнь мне тигра видеть травлю,
Я с зайцами войной себя не воспрославлю.

Расилов! оценя похвальный твой ответ,
Я вновь осмелюся тебе подать совет,
Узнай, что в жизни сей есть ново состоянье,
Удобное обрести от общества вниманье.
Грехи писателей суди и объявляй,
На счет трудящихся ленивых забавляй.
И, оградя себя Фреронов злых щитами,
Играй бестрепетно лавровыми венцами.
Будь Пинда вывеской, и вкуса будь послом,
Сияя в круглый год двенадцать раз умом.

Не мни, что надобно познание глубоко,
Ума обширного парение высоко; —
Фрерон покажет вмиг, как помещать в разбор
Не доказательство, но ловкий разговор.
Как, книги не читав, о ней судить исправно,
Как современников своих язвить забавно,
Мысль бедную пестрить излишеством цветов,
Рассудок заменять набором колких слов.
Замысловатое суждение, игриво
Понравится, хотя оно не справедливо.
Греми и обличай, постылых не жалей;
Но жалуй в умницы себя, своих друзей.
Будь в способах богат, и колкости французски
На счет природных Муз переводи по-Русски.
Пусть в прозе и стихах ты сам не образец;
Чужой лавр ощипав, сплетешь себе венец.
Нет нужды, что подчас и ум и вкус обидишь;
Потомства не страшись, его ты не увидишь.

Коль не понравится последний сей совет,
Как хочешь — у меня другого лучше нет.

Что слава на земли? не дар поносной лести,
Не пища гордости, венец за подвиг чести. —
Но славы суетной блестящие венцы
Не прочны, если их здесь носят зла творцы.
Безумный Герострат, Аттилла зверонравный
И изверг Бонапарт, хоть громки, но неславны.
Потомство позднее их клятвой тяготит.
Аврелий с ужасом от гроба их бежит.
Так лучше, удаля от мыслей звуки славы,
Вкушай семейну жизнь, невинные забавы.
Свой круг животвори, лелея мирный кров,
И окрест рассыпай избытки от цветов.
Коль будешь ближнему, Расилов, ты полезен,
То будешь в обществе и славен и любезен.

сентябрь 1812

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПИСАРЕВУ¹²

Лучами Феба озаренный
Ко мне ты дружество питал;
К тебе в пределы отдаленны
Я часто грамотки писал.
Любя Российска Пинда славу,
Себе в урок, другим в забаву,
Законы критики гласил.
Пусть скуден дар, горящим духом
Я пел вселенной перед слухом
Непобедимость Росских сил;
Европы всей внимая стону,
Железную срывал корону
Со святотатственной главы.

Мне, робкому певцу с Невы,
Скажи, возможно ли стремиться
Сочесть бесчисленность побед?
Пегас крылатый утомится,
Летая за орлами вслед.
На Вислу лиру устремляю,
А мне вдруг говорят: спеши,
На Эльбе Росса опиши.
По Лейпцигу когда гуляю
И мост во пламени являю,
Моих друзей я слышу суд:
Оставь, певец, напрасный труд;
Нет нужды в Одере, ни Мейне,
Ты знай, что Александр на Сейне.

Трубу гремящую оставлю,
А лучше друга я прославлю,
Носяща в брани *благодать*.
Имея разум просвещенный,
Звездою перси украшенны,
Привыкнув лавры пожинать,
Когда тиран искоренится,
Спеши в сень к Музам возвратиться,
Друзей в Петрополе обнять.
Среди торжественной беседы
Все ваши подвиги, победы,
Искорененно Россом зло,
Прославят лирой Музы сами,
И победителей чело
Украсят свежими цветами.

1814

О НАВОДНЕНИИ ПЕТРОПОЛЯ, бывшем 1824 года 7 ноября

О златострунная деяний знатных Лира!
Воспламеня певца безвестного средь Мира,
Гласи из уст его правдивую ты речь.

Я волн свирепство зрел, я видел Божий меч.
Владыка бурь восстал и сел на колесницу;
В Европе славную и первую столицу
Облек в унынье он, неизъяснимый страх;
К могиле близкие, младенцы в пеленах,
Все видят смерть, все зрят косы ее размах.

Вдруг море челюсти несъгтые открыло,
И быстрю Неву, казалось, окрылило;
Вода течет, бежит, как жадный в стадо волк,
Ведя с собою чад ожесточенных полк,
И с ревом яростным, спеша губить оплоты,
По грозным мчит хребтам и лодки и элботы;
Растя в мгновение, приливная гора
Крутит водовики, сшибает катера
И одадь брызгами высоко к небу хлещет,
На камень, на чугун бесперестанно плещет.
Екатеринин брег сокрылся внутрь валов;
Мы зрим, среди Невы стоят верхи домов;
Непримиримые, бунтующие волны,
Из ложа выступя, поработают стогны;
В частицах мелких пыль от влаги над рекой
Слилася в воздухе густою вскоре мглой;
По каменной стезе внезапно многоводной
Судам тяжелым путь устави́лся свободный.

Там ветры бурные, союзники реке,
С порывом ухватя плывущих на доске,
Сокроя от очей предметы им любезны,
В пределы мрачные свергают лютый бездны.
Все тонет, плавает по улице, рекам,
Спасенья нет коню, пощады нет волам.
При бурь владычестве лишь ветры грозно свищут,
Они среди пространств за добычею рыщут
И, уловя ее, бросают наугад;
Там кровля здания, там корабля снаряд.
Хоромы, с родины снесенные ветрами,
Стоят на пустырях с окошками, трубами.
Решетке Бецкого дивился Альбион;
Через гранит с Невы, нависнув, плоскодон,
В нее нахлынул, пал и запер мостовую;
Волнуют ветры снедь и утварь золотую.
Свободе радуясь, средь накопленных вод
Летает огненный, шумливый пароход;
Но видя мост, дерзнул, — и путь найдя стесненный,
Ударился — и стал к нему, как пригвожденный.
Отважится ли кто, чей может сильный дух
О смерти бедственной вещать потомства в слух?
Цветущие красой три юные девицы
От страха мертвые лежали вдоль светлицы,
Хотя в нее еще не ворвалась река;
Одна в своей руке держала голубка,
И смерти вместе с ним подсечена косою.
Там старец мрачный — жив — терзаяся тоскою,
Средь разрушения блуждает будто тень
И вопиет: “Где ты, любезная мне сень?
Где дочь и сыновья; где ты, моя супруга?
Без дома, без детей, лишенный сил и друга,

Среди печали злой, отчаяния сын,
Связь с миром перервав, скитаюсь я один.”

Приятность островов Петрополь украшала,
Окрестности его и Муза возглашала;
Все быстрое стекло любили Невских вод
И Феба из морей торжественный восход.
Но там свирепое являясь наводнение,
Отягощая мысль, не утешает зренье.

Пред днем молитвенным бесплотных в свете сил,
В твой навечерний день, Архангел Михаил,
С Петрополем в полдни событие ужасно,
Повсюду зрится вод скопление опасно.
Хотел могущий Бог нас гневом посетить,
И в то же время зло щедротой прекратить;
Водами ополчась по беспредельной власти,
Он сердце людям дал ценить других напасти.
Все кинулись к судам, все, окрылясь, бегут,
Все жизнь, жизнь ближнего, как жизнь свою брегут;
Текут с стихией в брань, призвав на помощь Бога,
Сам сердобольный Царь от высоты чертога,
Покорности к Творцу, любви к народу полн,
Послал жертв исхищать из уст свирепых волн.
Посланник воин был, и близ царя в сраженье
Зрел смерть лицом к лицу, зрел ужас, истребленье;
Ступя на бурный вал, до катера достиг,
Схватил его, летел, в час гибельный и миг
Догнал он водовик, на коем утопали;
Пусть волны злобные к нему не допускали,
Мужаясь в подвиге, усердием горя,
Спас погибающих, — и спас в глазах Царя.

Коль злополучие Петрополя известно,
То исцеление, поистине чудесно,
Ты, лира, огласи на крыльях молвы
По красным берегам и Волги и Москвы.

Быть может, возвратясь из океянов дальных,
Иной, услыша весть о бытиях печальных,
К речам свидетелей не преклоняя слух,
Вещает: "Не был здесь явлений бурных дух,
К Петрополя красе мрак не касался ночи,
Меня обманывать мои не могут очи,
Здесь прежний царствует порядок и покой;
Петрополь осмотря, я был и за рекой,
На стогнах чистота, по-прежнему громады,
По-прежнему мосты, по-прежнему ограды;
Где наводненья след и где свирепость волн?
Весь град движения, занятий мирных полн.
Кто стогны очищал, где от хором обломки?
Вулкана древнего по-прежнему потомки,
С железом ратуя, взялись за крепкий млат,
Я вижу в мастерских орудиев снаряд.
Обуревание жестокое природы,
Которое едва ль исправить могут годы,
Так скоро здесь могло успеха приобрести,
Что гости за моря отрадную шлют весть?
Или покрытый град свирепою водою
Возобновился вдруг волшебною рукою?"
Ах нет! Петрополь цел от бедоносных вод
Зефира кротостью, наитием щедрот.

Кто помощи других себе в напасти просит,
Благотворителю мольбы свои приносит.

А здесь несчастному не слезы нужно лить,
 Чтоб сострадание в соотчичей вселить;
 Благотворения великое здесь дело
 Текло прямой стезей, достигло цели смело:
 В бедах не надобно предстателя искать,
 Здесь ищут тех, кому потребно помогать.

Умолк на Бельте рев и онемели стоны,
 Посыпалися здесь с престола миллионы;
 Среди Петрополя от ярости злых вод
 Пусть есть погибшие, — но, верно, нет сирот.
 Любовью чистою, небесною согреты
 Все у пристанища, упитаны, одеты,
 Все, благи прияв священнейший залог,
 Рекут: “Средь тяжких зол есть милосердый Бог.”

ноябрь 1824

ЕВСЕВИЮ ИВАНОВИЧУ ЛЯЛИНУ ¹³

В Кронштате с Музами свиданье
 Поэта юного хвалю;
 Увидеть Пинд твое желанье
 И плавные стихи люблю.

Ты справедливо прославляешь
 Сиянье пламенных певцов,
 Любимцев Аонид, жрецов,
 Напрасно только прищепляешь
 За блеск сценической игры
 К орлам Невы певца Кубры!..

Питомец грозного Нептуна!
Тебе сопутник сам Борей;
Пусть не трепещешь стрел Перуна,
Поверь — опаснее морей
И бурь Парнасские Сирены;
Всех в мире тяжелее путь
До верха Пинда достягнуть.
Там часто вянет лавр зеленый,
Там рядом с током Иппокрены
Песчаный, дикий Леты берег;
Там гром и дождь, там иней, снег. —
Хотя у нас в теплицах розы
Цветут в крещенские морозы;
Но шепот зависти и месть
Поносят вместе дар и честь.
Большие, право, нам проказы:
Вопль, брань, и толки, и рассказы,
И клеветы дух часто злой —
Тебя погонят с гор долой.
Коль кто, не убоясь стремнины,
И побредет — и то скользя —
Столкнут утеса с половины,
А бросить якоря нельзя!..

Цветущих лет весну сретая,
Изящным дух и мысль питая,
На стебле розу ты видал, —
По ней, быть может, и страдал?..
В лице иль Дафны, иль Филлиды
Нес жертвы на олтарь Киприды!..
Что ж там узрел? — одну напасть! —
Иль гордую нередко власть.

Стыдливость, ревность и желанье
Твой измеряли каждый шаг:
Капризы часто на свиданьи
Блеск отравляют мнимых благ.

Красавиц прихотливей Музы:
Беда, коль ступишь невпопад!
У них все чинно, стройно в лад;
На все закон, порядок, узы!
Число, местоименье, род —
Какое множество хлопот!
А к ним прицепятся глаголы
И за фантазию расколы;
От Муз и Шиллер и Бейрон —
И даже в старину Марон —
Слыхали часто пересуды.
У девяти Парнасских дев
На прилагательные гнев,
Кричат... (на все свои причуды)...
Алмазный перст, стеклянный брак,
Двуносый дуб, стыдливый рак —
Пускай кудрявы и прекрасны;
В стихах не звучны и не ясны.

Внимая моря бурный рев,
Послушен будь всегда досугу;
Пиши стихами только *к другу*,
Забыв` напрасный Музы гнев;
Неробким духом и рукою
Старинной, новою стопою
Стихи под молнией пиши;
Коль вытекают из души,
Они, конечно, хороши.

Поэзия — восторг высокой
И дух премудрости глубокой,
Пространней видимых морей;
Она всех боле Океянов;
Нет только пристани у ней;
Довольно летом Ураганов.
Подводных камней и мелей,
Водоворотов и бурунов,
И тьмы лжекритиков-Перунов;
Она — сказать ли наконец? —
Язык чувствительных сердец!

13 октября 1823

ГОЛУБКА
Из Анакреона

Из рук Анакреона
Всегда я хлеб клюю;
Вино с ним вместе пью.
Когда сыта, довольна,
То на плечо скакну,
То пальчик ущипну;
Потом с покоем, в мире
По златострунной лире
Я крылья разверну,
И сладко тут засну.

1805

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНЕДИЧУ

Вступя с Парнасскими богинями в союз,
Ты, Гнедич, показал свои дары и вкус.
С Омиром ли поешь для Россов древни брани,
Или с чувствительных сердец собираешь дани,
Вольтера дивного стремяся по следам,¹⁴
Везде ты плавлен, чист и близок к образцам;
Ты сам поэт в числе поэтов вдохновенных,
Не собиратель рифм и фраз обыкновенных.
Ты должен ведать то (твой разум просвещен),
Какими безднами путь к Пинду прегражден.
Препятствий тьма в делах Беллоны и Фемиды,
Не меньше трудностей встречают Пиериды.

Пусть представляют их, сидящих у холмов,
Спокойно внемлющих журчанье ручейков,
Пусть ревностны певцы о Геликоне пишут,
Что там прохладные зефиры только дышат,
Что вкуче собраны природы красоты,
Что царствует весна, одни растут цветы,
Что не является туда мороз суровый,
Что Музы там, резвясь, плетут венцы лавровы;
Коль спросит тех, кому сияет Фебов свет,
Нам Ломоносовы другой дадут ответ,
Признаются, что есть на Пинде тучи черны,
И часто вместо роз там прозябают терны.
Пусть за упрямство рифм, как за ужасно зло,
Пенял садовнику шутливый Буало;¹⁵
Но справедливее от нас должны быть пени
За рослые слова, длиною в полсажени.
Чей может ум, перо, дар превосходный чей

(Хотя б в Петрополе родился вновь Орфей),
И сенолиственно и благопокорливо
Включить в одном стихе искусно и счастливо?

Бесспорно, наш язык — язык самих Богов;
Но мы еще на нем значенье, силу слов
Доселе не могли определить законом:
Все пишем, как хотим, шутя над Аполлоном.
Не только мысли блеск, по лености своей,
Заемлем из чужих для прихоти ключей,
Мы черпнем оборот из Тасса иль Мильтона,
Или из Геснера, или из Кребильона,
Бродя по образцам несродных нам чудес,
Не можем языку дать настоящий вес.

Пускай ты ниспроверг посредством дарований
Неисчислимости Парнасских препинаний,
Постигнул звуков чин, разумный слова склад
И мыслям чрез слова пристойный дал наряд;
Положим, что в стихах, чрез хитрое искусство,
С воображением совокупил и чувство,
То право приобрел на лавровый венец;
Но чуть поставишь ты внизу стихов *конец*,
Забота новая тебе, поэт, родится;
Толпа читателей, как пчельный рой, плодится;
Твое творение весь город полюбя,
Читать твои стихи к себе зовет тебя.
Сияют храмины кинкетов, люстр огнями,
Сидят ценители за круглыми столами,
И мыслят прорицать священных дев закон;
В толь день торжественный оставлен и бостон.
Уже ты стих прочел, и критика готова,

Без порицания не пропускают слова.
Иной стишок им тускл, а тот незвучен стих,
Глаголы гонят прочь, шумят на запятых,
Не терпят древних слов, а паче усеченных.
Писатель! берегись в восторгах дерзновенных,
Ко существительным, хотя бы и под стать,
Ты прилагательны для рифмы прибирать.

Занявшись судии толь мелкими вещами,
Не могут озарять нас истины лучами:
Тот просит громкости, цветочных уз другой,
Тот сладкозвучия, Риторики иной;
Хотя вопросами писателя замучат,
На век Поэзии Поэта не научат.
Привыкнув спрашивать условной красоты,
Не спросят одного: Поэт ли, Гнедич, ты?
О тщетной гладкости хлопочут только, мыслят,
Кто гладко пишет здесь, того пророком числят;
Иным писателям и я скажу без лести:
По гладким их стихам хоть шаром покати.

Во мзду трудов Фрерон, с ослиными ушами,
Поставит в ряд тебя с негодными писцами;
И даже критики не сделав никакой,
Решит, что дурен ты и хуже, чем другой.

Скажи, иль думаешь средь тягостных занятий,
Что ты, досады зря на Пинде от собратий,
Терпеньем утомя и зависть их и месть,
Себе и своему доставишь роду честь;
Что жизни выгоды, богатство, славу мира
С собою принесет Поэту громка лира?

Коль мыслишь, то оставь сии приятны сны,
Какая встарь была, нет той дарам цены.
Великий твой Омир пускай воскреснет ныне,
Не станут о его рожденьи иль кончине
Семь спорить городов,¹⁶ ниже одно село
Не возгремит, что в мир певца произвело.

Поэт во древности Олимпа собеседник,
У Римлян, Греков он был славы проповедник;
Полезны истины на лире возглашал,
Хвалил полубогов, а смертных просвещал.
Не нужны боле нам певцы замысловаты;
Познания без них открылся ключ богатый;
Поток высоких дум, благодаря судьбе,
Покажет, изъяснит какой-нибудь Абе.
Что ныне лавр певца, что ныне громка лира?
Навыкла презирать их большая часть мира.
Не лучше ли, Поэт! за чистый взяться ум?
Оставя лирный звук и ключ богатых дум,
В бездумно откупов переселиться царство?
О жизнь откупщиков! прямое в мире барство!
О Вакхов славный жезл, волшебный, золотой!
Ты расточаешь в мир веселие рекой;
Твои наперсники в каретах все и сыты;
Власы супружниц их алмазами увиты.
Но только ль то, что жизнь приятной он творит?
Самой природы нам сокровища дарит.
Скажи, где откупщик не мил и не прелестен?
Где неразумен он, неловок и нечестен?
Где без ходатайства, без ближних, без друзей?
Скажите, кто ему не отопрет дверей?
Как солнца светлый лик все звезды помрачает,

Червонцев сладкий звук таланты заглушает.
Что делать? на земли уже такой закон;
Покорны Плутусу Феб, Марс и Купидон;
Все Плутус в мире сем, и по его днесь власти
Текут в своей чреде огромны мира части.

Когда Поэтом быть велит твоя звезда,
Строй лиру, не щади безмерного труда,
Дерзай, питомец Муз, светить земному кругу
В честь самому себе, отечеству в услугу.
От Музы жди венца, с Омиром лавр возьми,
От современников себе досады жди.

1809

НОВОМУ ЛИРИКУ

Скорее в погреб, не ленися,
Подай шампанского, Степан,
С бутылкою Аи явися,
Налей, не пеня, мне стакан.
О верны други Аполлона!
На холмах светла Геликона
Осушим всю бутылъ до дна;
Се новый Флакк, любимец Неба,
Украшенный дарами Феба,
Взлетел на Пинд, вспрянув от сна.

Ты счастлив стал, известен свету
В печати и знаком с молвой;
Твой дух, твоя хвала Поэту
Летят в обертке голубой,

Державина порывом полны,
На отдаленны Псела волны,
Родительский утешить дом;
Но сам в коричневом жилете,
Забыв о злой поэтам Лете,
Бредешь в присутствии пешком.

Восторгом сладким упоенный,
При звуке громогласных лир,
На розах возлежа, волшебный
Перед собою видишь мир!
Пусть зависть жнет певцов отрады,
Косые обращая взгляды,
Шипит и по следам ползет;
Тебя шипеньем оглушает,
Надежду лестну отгоняет
И яд на лирны струны льет.

Пусть алчет Фурия всечасно
Огонь небесный потушить:
Она терзается напрасно —
Нельзя послушным Музе быть.
Пусть кроют солнца блеск туманы,
Пусть каркают ночные враны
В глухой обители гробов:
Поэт, имущий остры стрелы,
Обняв чудесности пределы,
Парит в сообществе орлов.

1817

КАТЕРИНЕ НАУМОВНЕ ПУЧКОВОЙ¹⁷

Пучкова, исполнять приятелей желанье,
Давно ты ведаешь, что я всегда готов;
И с берегов Кубры пишу тебе посланье;
Но что представлю в нем? Нет мыслей, ни стихов.
Мне, спутнику дождя, с починенной коляской
Мысль к мысли подвести, угладить рифмы тряско:
Там горы, там песок, а там в болоте вязко,
И недосуг ловить замысловатых слов.

Разумной, городской и барышне любезной,
С которой Музы все и Аполлон знаком,
Осмелюсь ли послать нескладной стих, железной
И незатейливым начертанный пером?
Пусть солнце опишу, как яркими лучами,
С быстротекущими сливаясь волнами,
И в капле даже вод
Являет сонм красот;
Иль огонь Всевышнего, крылатой гром чудесной,
Который, с высоты спускаясь ближе к нам,
Воюет жестоко средь области древесной,
И звук удару вслед катится по листьям;
Иль ароматными цветами испещренный
При шуме ручейка приятнейший лужок,
Где в час уединенный
Поет любовь и грусть унылый пастушок.

Ты в сонме лир, забав искусственных на лоне
Уже читала то в *Делилле* и *Томсоне*;
Тебе отчета я о солнце не даю;
Что живо чувствую, то просто и пою.

Хотя бы невзначай случилось на диво,
Что прелесть естества изображу счастливо;
Но сельский может ли понравиться Омир,
И забавлять стихом большой в столице мир? . . .
Умеет ли придать румяный цвет он иве;¹⁸
Былинке повелеть весь день плясать на ниве;
Заставит ли хоть раз могущего вола,
По жердям прыгая, опередить козла?

Фортуне жертвуя, все жители в столицах
Пируют иногда Фантазии в границах.
Среди волнения и радостных сует
Чужого праздника большой не любит свет;
Нередко судит он, забыв Поэтов славу,
Не по словесности, бостона по уставу;
Тех думает хвалить и кстати приласкать,
Кому удастся раз с вельможей пошептать.
Большую частью в столицах лицемерят;
Немногие у вас и Журналистам верят.

Заботясь семь недель исполнить твой приказ,
О странствиях теперь пускаюся в рассказ.
Знай, в Пошехонские пределы я помчался,
И, к сожалению, с Поэтом¹⁹ не встречался,
Который, Талии любя прелестный дом,
Представил *Какаду* искусно и с умом.

Не попадался мне родня и мой приятель,²⁰
Расину счастливый в Эсфири подражатель;
Но видел дедушкин в моем поместье кедр,²¹
Который посадить для внука сам трудился,
Когда он с Минихом от Турков возвратился.

Давно садитель спит в объятых земных недр;
А древо ветвями по воздуху играет,
И в честь ему плодом потомство награждает!

Я Никола Русского по красным берегам
В село Темирино²² на чернозем стремился;
И с Ярославлем лишь и Костромой простился,
У праха Минина на ярмарке явился.
Торговли внутренней там создан пышный храм,
Над коим зодчества искусный дух трудился.

Не может с кораблем сравниться малой чёлн!
Изобразителю Кубры смиренных волн
Пристойно ли, скажи, петь Волгу *величаву*?
Питомцы сей реки ея вещали славу;²³
Но Музе здесь моей, Симбирских госте стран,
Другой полет сужден и дар скуднее дан;
Ей можно объявить, заботою объятой,
Что на Суре она увидела богатой
Отличных стерлядей в одежде золотой.
Когда ж тебе читать поход не скучно мой;
Вообрази, где был воспитанник Парнасса:
Пешечком улицы обмерял Арзамаса;
Там общество гусей он видел у реки;
Но жаль, что не нашлось меж них бойца прямого!
Обыкновенные, как и везде, гуськи;
Такие именно, как в басенке Крылова.²⁴
Ну право, не смотря на множество похвал,
Я таковых гуськов и при Неве встречал.

Свидание с родным и другом мне отрада
Среди престольного Владимирова града.

Там Клязьма, славная по древности река,
С которой в Волгу пасть сливается Ока;
Там удивленные пришельца видят взоры
Пространные поля, ручьи, долины, горы;
Там пахарь за сохой с веселием идет,
И плена от Орды к себе уже не ждет,
Там златоверхий Кремль луч солнца отражает
И дома на холмах покатых озаряет.
От Киева прияв владычества венец,
Сей град величеством Москве был образец.

Кто веры воспитал в душе святые чувства,²⁵
Тот средь Владимира зрел торжество искусства;
Какая в лицах жизнь, какая в красках тень!
Там старец с юношей, с младенцем мать, там дева,
Все, духом возмужав парения Царева,
Текут к святым водам, в отрадный сердцу день;
Разнообразия владычествует тень.
Своею прелестью все виды восхищают;
Одежда с наготой равно красой сияют,
И Живописец сам — благодаренья в дань —
Как древний Славянин, возносит к небу длань.
Род поздний будет здесь благоговеть, дивиться;
Артисты и певцы у Тончия учиться.

К Кубре ли обращусь: предметы вижу там,
Приятные моим от юности очам.
Природной прелестью хотя обогащенны,
Очарования мне кажутся лишены:
Пусть прежнею они сияют красотой;
Нет Муз присутствия, — волшебной жизни той,
Лиющей радости, когда я был моложе,

Когда здесь были те, *кто мне всего дороже*.
 Напрасно жду Харит, скитаясь по горе,
 Взываю к холмику, взываю я к Кубре:
 Кубра безмолвствует и мне не отвечает;
 Поэта своего огнем не наделяет!
 К березкам я моим, прекраснейшим древам,
 Вещаю: “Вы забав свидетелями были;
 Не прекословили вы юности играм,
 И тень прохладную средь летних дней дарили;
 Но скоро может час приблизиться, настать,
 Что будете мой холм могильный осенять!”

Боясь перед тобой, щеголеватым светом
 Сентиментальности открыть себя Поэтом,
 Угрюмой старости я оставляю тон:
 Надежда и любовь да будут мой закон!
 Я умозрения плод горький отвергаю;
 Приятным случаем письмо к тебе кончаю:
 Поэту-старикку на берегу Кубры
 Со дружбой искренность несли свои дары;
 И снова светскости свиданье посвятили:
 Играли в вист, бостон и вальсов не забыли.

1821

НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЯЗЫКОВУ

Пускай летал иль только лазил
 Я без удачи на Парнас,
 Коль зависти лукавый глаз
 Моей поэзии не сглазил,
 Прими, восторга сын, Поэт,

Которому я благодарен,
Прими классический совет:
Он простодушен, не коварен,
Ты говорил про Муз завет:
“Что слава? — Суета сует”.
С тобой, Языков, я согласен,
Поэту лести дым опасен,
Но здесь о славе речи нет.

Марон, настроя глас свирели,
Румянцем юности горя,
Как летом ясная заря,
Не миновал далекой цели,
Услыша гром, увидя кровь,
Воспел и благость и любовь.
Будь сердца пламень чист в поэте,
Внимая чистых хор певиц,
Он Лавр забыл, забыл о Лете;
Природы царству нет границ.
Коль взял волшебный жезл природы,
Земля и ад, эфир и воды
В движенье быстром и борьбе,
Языков, рабствуют тебе.

Мир видимый и мир возможный
Умом своим создаст Поэт,
Но будет труд его ничтожный,
Коль благодатной искры нет.
Пускай земною славой дышит,
Прелестно чувственность опишет,
Ему не внемлет песней бог,
Один наперсник Муз восторг

Отсель на небо преселяет;
Там звезд пылающих чертог,
Там жизни дух все оживляет;
Там вечно-юный дар певца
Влечет к себе умы — сердца.

Новграда бард, не медли боле!
Представь премудрость на престоле,
Греми Екатерины меч;
На Альпы стань, когда Суворов,
Герой молниеносных взоров,
Вещал устами грома речь!

Пускай Афинян басни, драки
Отринул вкус, безмерно строг,
Представь Эдипа жалкий рок
От рук свирепого Шемяки!

Кто стал людских дурачеств враг,
Забыв о гордой Мельпомене,
Заметным хочет сделать шаг
В гостиной Талии, на сцене,
Тому Кутейкин-верхолет —
Живой перед лицом совет.

Коринда, друг любви мечтанья,
Таит у светлого ручья
Приют, где прелестей семья
Амуру шепчет час свиданья;
Живописуй, коль можешь ты,
Филлиды милой красоты,
Вверяя воздуху стенанье;

Той резвой юности игры
И хороводы и пиры;
Пусть пробка с потолком сразится,
Веселый теша уголок,
Где в чистом хрустале струится
Вина шипящего поток.

Певец, постигши цель искусства,
Славь добродетели цветок,
Гони смешное и порок!
Тебе любви высокой чувства
Откроют истины предел,
Где Пиндар брал запасы стрел.
Языков, не проси совета
У старика глубоких лет,
Но, если нужен, — вот совет:
В десницу взяв доспех Поэта,
Напрасно время не губи
В обителях и Муз и света,
Советодателя люби.

1827

НА САМОГО СЕБЯ Надгробие

Поэт, который век с Пегасом обходился
И в рифмах всглашал земель дальнейших весть,
Сорокалетний, он, желав на лошадь сесть,
Садясь, не совладал и — до смерти убился.

март 1797

ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СЛЁНИНУ²⁶

Вот Сленину посланье,
А вместе и желанье
Иметь большой доход
От Эпиграмм и Од.
Загадки и Шарады,
И проза, и Баллады,
Досуг и славный дар,
И новые безделки,
И Драмы-скороспелки
Валятся в твой анбар;
Все рядышком, степенно
На полочках стоят,
Покупщиков смиренно
Изволят ожидать;
Нередко и живые,
Толкуя о Батые,
Стекаются Судьи. —
Тот Ламартина просит,
Тот Фосса превозносит,
Платя рубли свои.
Карп в Инвалиде жаждет
Узнать лет древних весть;
Сысой о Климе страждет,
Зачем он пишет лесть;
Журнальные статейки,
Любимый всех предмет;
Влас разбирает змейки
И хвалит переплет;
Младенцы Геликона
С румянцем на щеках

В печатных ждут листках
Указ от Аполлона.
Являясь Борей,
Кричит: мне друг *Хорей!*
Я дружбу защищаю;
Хочу друзей хвалить,
И *модных* запрещаю
Писателей хулить.
Лавр свежий окружают,
Певцы спеша на срок;
Все дерево качают,
Затем что Лавр высок;
Друг другу лишь мешают
Сорвать себе венок.

Ты мнишь, тебе доходы
Мои доставят оды?..
Худой барыш от них.
Все просто, складно, ясно;
Но только не прекрасно?..
Без *молний* бурь густых!..
Притом же в громкой оде —
Толкуется в народе:
Шампанское вино,
Забыв бутылки дно,
Внутри хрусталя звездится,
И пеной вверх ложится!..
В посланиях — увы! —
Ямбические строки,
Старинные уроки;
Нет слез, ни муравы;
А басни все без толка:

Лисица трусит волка,
Бот хочет в корабли,
К Дельфинам в Короли.

Ты, Сленин осторожный,
Попал в силки неложны,
Стихов моих взяв пук:
Не скоро спустишь с рук!..
В них плавность не по моде;
По *былой* я методе
Старинных Пиерид,
Карабкался на Пинд;
Потомства не увижу,
И с ним тебя не сближу. —
Начто тебе портрет?
Начто мое творенье?..
Оно в реку забвенья
Не медля попадет. —
Я сам отворотился
От племя моего;
Предать в печать его
Некстати, зная, решился!..

19 мая 1822

ПРОЩАНИЕ

Я слезы зрел твои! и знаю их причину:
Ты в жертву их несла Киприды хитрой сыну.
Я видел, чувствовал — счастливый в жизни час! —
Как перлы чистые катились из глаз
И на уста мои горящие спадали,

И прохлаждали их, — и вдруг воспаменяли.
Питая вместе грусть и сладостный восторг,
Волненья чувств моих я различить не мог;
Не знал, мне должно ли прощаньем веселиться,
Или в разлуке злой печалию томиться?

2 августа 1823

СОЛОВЕЙ В ТАВРИЧЕСКОМ САДУ

Пусть голос соловья прекрасный,
Пленяя, тешит, нежит слух,
Но струны лиры громогласной
Прочнее восхищают дух.

Любитель Муз, с зарею майской
Спеши к источникам ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поет где Пушкин-соловей.

июль 1832

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ

Давненько Буало твердил, что целый век ²⁷
Сидеть над рифмами не должен человек;
Я признаюсь, себя тем часто забавляю,
Что рифмы к разуму, мой друг, приноровляю.
Пускай водимые враждебною рукой
Досады спутствуют с забавою такой;
Пусть Музы иногда мне самому суровы,
На Пинде нахожу себе веселья новы;

Но больше бы стократ любил я Геликон,
Когда б не столько строг к певцам был Аполлон.
Сей лучезарный Бог искателю здесь славы
Назначил тесный путь и тяжкие уставы;
Он требует, чтоб мысль писателя была,
Как чистый солнца луч, безмрачна и светла;
Чтобы в стихи слова не вкрались напрасно,
И представлялась вещь с природою согласно,
И дар везде сиял, и быстрый огонь певца,
Разлившись, зажег читателей сердца;
Чтобы паденье стоп, со смыслом неразлучно,
Для слуха нежного гремело плавно, звучно,
Чтобы... Но кто сочтет неисчислимость уз?
Кто может угодить разборчивости Муз?
Я первый волю их нередко нарушаю,
И воду из Кубры в Кастальский ток мешаю.
То изломаю ямб, то рифму зацеплю,
То ровно пополам стиха не разделю,
То, за отборными гоняся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками;
Однако Муз люблю на лире величать;
Люблю писать стихи и отдавать в печать! ²⁸ —
Строками с рифмами, скажи, кого обижу?
И самому себе от них беды не вижу. —
Не станут их хвалить, мне дальней нужды нет;
Их Глазунов продаст, а Дмитриев прочтет.
Когда мои стихи покажутся в Столицу,
Не первые пойдут обвертывать корицу.

Мне старость грозная тяжелою рукой ²⁹
Пускай набросила полвека с сединой;
Поверь, что лет моих для Музы не убавлю,

И в доказательство я Буало представлю.
В мои года писал стихами Буало,
Шутил затейливо, остро, приятно, зло.

Себя не ставя в ряд певцов, венчанных славой,
Довольно, что стихи считаю я забавой.
Хвала правительству! — На рифмы пошлин нет!
Ничей от них меня не отвратит совет.

Как может Бабочкин, с поблеклыми власами,
Климене докучать свидания часами?
С подагрой, кашлем он к Амуру подлетя,
Пугает иль смешит коварное дитя.

В Петрополе Бичев, явясь из края света,
Сияет на бегу, как новая планета,³⁰
И вихрем носится, ристанья чин храня;
Он, выю извернув ретивого коня,
Мечтает, что ему завидуют и Боги,
Коль бегуна его резвее прочих ноги.

Обжоркин каждый день для всех твердит одно,
Что сытный был обед и вкусное вино;
Изволит завтракать бифштексом и ростбифом;
Потом в Милютины, не справясь с тарифом,
Отколе и когда приходят корабли,
За каждую устрицу бросает два рубли.
Готовясь пировать на свадебном обеде,
Успеет завернуть пить шоколад к Лареде.
Он счастлив, вне себя за лакомым столом;
Он любит перигю; он с стерлядьми знаком; —
Глазами жадными все блюда пожирает:

На гуся целит, ест пирог, форель глотает,
 Котлетов требует, или заводит речь,
 Чем сдобрить винегрет, как вафли должно печь;³¹
 А после кинется на виноград и сливы,
 На дули, яблоки, на сочные оливы.
 Там время подничать, там ужинать пора;
 Он упражнен едой до полночи с утра. —
 Обжоркину жена, и совесть, и рассудок,
 Дары и почести один его желудок.

Шаталов, тот слуга покорный всех вельмож,
 Он только рассеивать привык повсюду ложь;
 В восторге, в радости, при музыкальном громе,
 Про вести скажет: “Их я слышал в знатном доме.”

Для дел и для забав у всякого свой вкус,
 В их выборе отнюдь не налагают уз;
 Что Бабочкину здесь, Шаталову возможно,
 Тем пользоваться мне зачем, скажи, не должно?
 Так; — каждый для себя веселье изготовь;
 Их забавляет бег, стол, вести и любовь.
 Пусть тешатся они в сей жизни шумом, стуком;
 Я веселюсь твоим приятным, Муза, звуком. —
 Мне в Федре басенки отрадно прочитывать;
 Люблю переложить на Русскую их статью;
 Люблю, склоняя слух к Расина скорби, стону,
 Принудить у Невы кружиться Гермиону;
 Люблю Горация высокой мысли гром
 Своим на Севере изображать пером;
 Но песнопения болезнию не стражду
 И лавров на главу зеленых я не жажду.
 Случалось, несколько текло на свете лет,

Что сам я забывал о том, что был поэт;³²
Не мня, что скудный дар отечеству заслуга,
Я посещать люблю Парнасс в часы досуга.
Надеюсь, — может быть, в числе стихов моих
Внушенный Музами один найдется стих;
Быть может, знатоки почтут его хвалами,
Украсят гроб певца приятели цветами
И с чувством оценят не мыслей красоту,
Не обороты слов, но сердца простоту.³³

1810, 1828

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ

Ранняя редакция (1810)

- ст. 1-2* Пусть Буало твердит, что над стихами век
Беспутно просидеть не должен человек;
ст. 4 Что рифму с разумом, мой друг, совокупаю.
ст. 7 Пусть Музы иногда мне гневны и суровы:
ст. 11 Сей лучезарный Бог, дерзающим в храм славы,
ст. 13-17 Он требует от них, чтоб мысль всегда была
Как чистый луч его, безмрачна и светла;
Чтоб слово ни одно не вкралось напрасно;
Чтоб представлялась вещь с природою согласно;
Чтоб дар везде сиял, и быстрый огонь певца
ст. 34 Их Глазунов продаст, а кто-нибудь прочтет.
ст. 37 Мне старость на главу тяжелою рукой
ст. 43 Не ставя в ряд себя к певцам, венчанным славой,
ст. 51 Бичев, в Петрополе, явясь из края света,
ст. 53-55 Он носится как вихрь, ристанья чин храня;
Он, вью извернув неистова коня,
Мечтает, что ему завидуют все Боги,
ст. 78-79 Который рассевать привык повсюду ложь,
В восторге, ежели, при музыкальном гrome,
ст. 89-90 Мне в Лафонтене баснь отраднo прочитать.
Люблю переложить ее на Русску статью;
ст. 111 Быть может, к счастью, в числе стихов моих

ПРИМЕЧАНИЯ СОЧИНТЕЛЯ

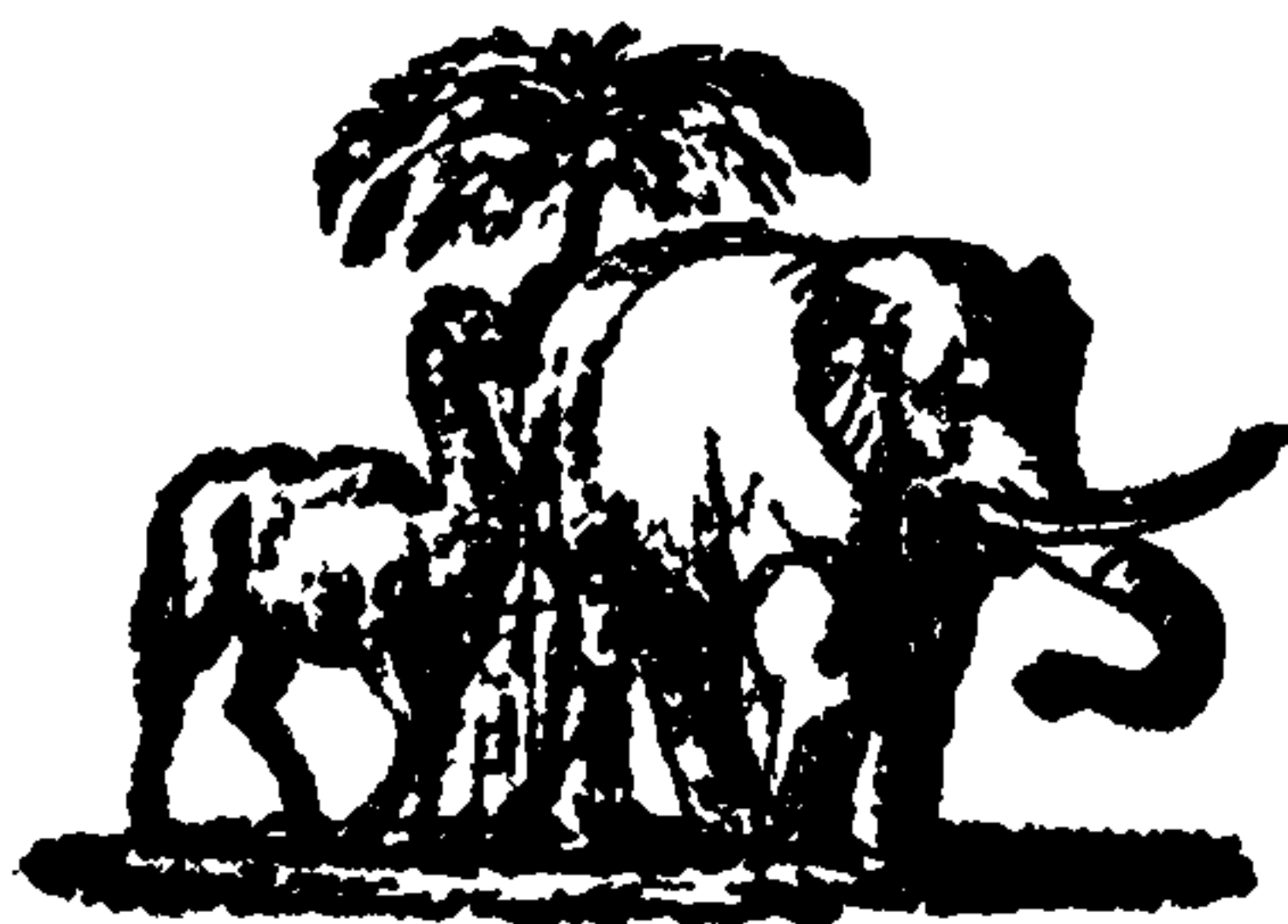
ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Г Р А Ф А

Д. И. ХВОСТОВА.

Сочиненныя имъ во время путешествія
его изъ Санктпетербурга по Тихвинскому
пути въ разные города Россійской
Имперіи и обратно въ Санктпетербургъ;
съ приложеніемъ Исторіи Смоленскаго
Кадетскаго корпуса, письма къ Графу
Коновницкому, историческаго описанія
Арзамаса и проч. и проч.

Изданныя М. Н. Макаровымъ.

М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи.

1824.

Титульный лист "Путевых записок графа Хвостова"
(из собрания составителя)

1. *Кубра* — речка, протекающая в деревне сочинителя близ большой Ростовской дороги в 110 верстах от Москвы.
2. Высокое почтение автора к Ломоносову, российскому Пиндару, во многих случаях явно обнаружено. Что же касается до Сумарокова, то, не выдавая основателя театра нашего за образцового поэта, можно, кажется, особливо в то время, в которое стихи сии были писаны, сделать приветствие предку нашей словесности. Неужели на место его ставить Кондратовича или Тредьяковско-го? Бесспорно, что творцы Россияды и Семиры не могут по дарованию равняться с нашим Пиндаром; но они были его современники и сближались с ним более, нежели другие малозначащие писатели, каковых уже в то время довольно было.
3. Михаил Матвеевич Херасков, Омир российских стран, первый удостоил сочинителя советами и наставлениями при вступлении его на Парнас.
4. Сей стих, относящийся к пребыванию в селе Слободке почтенных родителей автора, где при церкви по смерти покоится их прах, неоднократно был повторяем в его стихах. См. Дамский журнал 1827 года № 14, где между прочим, при разборе пятого тома нашего автора, сказано о сем стихе: “Священный памятник бытия его — прах родительский”.
5. Автор супруге своей придает имя *Темиры*.
6. Два противоположные об отечественном языке

мнения были побудительными причинами к сочинению сего послания. Не входя здесь в разбирательство оных, скажем только, что подобное разногласие происходило и у других просвещенных народов; и последствия доказали, что в языках коренных или самостоятельных лучше пользоваться своим, нежели без нужды употреблять иностранное. Греки руководствовались всегда гением собственного языка, и словесность их от времен отдаленнейших в одинаковой силе и красоте процветала даже до их низложения. Римляне, напротив того, победив Афинян, приняли их к себе учителями; побежденные чужестранцы перенесли в Рим свои нравы и обыкновения. Все, начиная от знатнейших вельмож, начали говорить и писать по-Гречески; Латинская словесность упала, и уже между стихами Virгилия и Сенеки показалась почти такая же разница, как и между веков Августа и Нерона.

Российский язык в священном писании имеет сокровище красот отличных и несравненных. Он, как говорит сочинитель сих посланий в оде своей к Российской Академии,

*краток, важен, звучен, силен,
Великолепен, быстр, обилен,
Прельщает мысли, сердце, слух;
Им могут поучать Платоны,
Им, восхищая нас, Мароны,
Вливают свой высокий дух.*

7. Сей стих и предыдущее, такими же литеррами опи-

санное, полустигиие относятся к подтверждению 6-го примечания. Оные взяты из двух отличных странностию слога сочинений. Последний есть перевод Французского выражения, употребляемого часто в письмах.

8. Гораций, подающий правила и образцы чистоты слога, о перемене слов говорит следующее:

*Ut silvae foliis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt: & c.*

Как леса при наступлении осени переменяют листья, из коих прежде падают те, кои прежде показались: и проч.

9. Покойный Президент г. Нартов Императорской Российской Академии желал, чтобы для украшения Академической залы все члены Академии доставили свои портреты, равно как и всех знаменитых писателей, до сего времени бывших в России.
10. Прекраснейший перевод Анакреоновой оды Гавриила Романовича Державина.
11. Сие Послание есть несколько сатирическое, но и в оном нет личности; тут же для доказательства моего предложения приложена моя басенка из Геллерта, которую можете печатать или нет, как хотите, и стих из Послания Буало к Расину:
- Я для моих стихов ищу прямых судей;
Я дорожу хвалою разборчивых людей.*
12. Послание сие писано на случай пожалования Александру Александровичу Писареву ордена Святыя Анны I-й степени. Известно, что Анна на Еврей-

ском языке значит: *благодать*.

13. Евсевий Иванович писал стихи *К другу*, где, отдавая полную справедливость Жуковскому, Батюшкову, Крылову, Пушкину, не забыл и меня, говоря о переводе моем Андромахи; что же касается до прилагательных *стеклянный брак, стыдливый рак* и проч.: то я этих стихов ни из какого Автора не выписываю, а выдумываю сии стихи для показания правила, что надобно употреблять прилагательные очень осторожно; иначе они будут смешны.
14. Н. И. Гнедич перевел на Российский язык Вольтеру трагедию *Танкред*.
15. Смотр. Буало послание к садовнику.
16. Семь Греческих городов спорили о месте рождения Гомера, каждый из них присвоивал себе честь сию. Имена сих городов заключаются в следующем стихе:
*Smirna, Rhodos, Colophon, Salamis, Chio, Argos, Athenae:
Orbis, de patria certat Homere tua.*
17. Сие послание наравне с Посланием к Г-ну *Остолопову* есть приятельская шутка; но оно было первою и побудительною причиною издания *Путевых записок*.
18. Относится к пиитическим изобретениям Автора.
19. С Кн. А. А. Шаховским.
20. П. А. Катенин.
21. В двух верстах от уездного города Галича есть село *Реброво*, где находится кедр, посаженный Тверского драгунского полку Полковником *Михаилом Алексеевичем Хвостовым*, родным дедом Автора.

22. В *Симбирской* Губернии Ардатовского уезда находится село *Талызино*, принадлежащее Графине *Хвостовой*, супруге Автора, которую в стихотворениях своих он всегда называет *Темирою*.
23. И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин.
24. Басня *Гуси*, читанная в *Беседе* и потом напечатанная в сочинениях *Ив. Анд. Крылова*.
25. 1812 года, г-н Тончи, славный Живописец нашего времени, находясь во Владимире, и быв излечен от жестокой болезни, из благодарности к Начальству и жителям города, написал образ превосходной работы, поставленный в Соборе, изображающий крещение Владимирцев при Св. Владимире.
26. После полного Издания. — Написано и напечатано 1822 года в Москве, Вестника Европы в 12 №, и потом в прибавлениях *Инвалида* Г-на Воейкова. — Тут упоминается о Батые: это Драма, которая представлена была для чьего-то бенефиса один только раз.
27. Сие послание было сочинено 1811 года, напечатано в разных журналах, читано в Беседе любителей Русского слова, при многолюдном собрании, известным Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом и удостоено было особой похвалы. После того переложено на французский язык А. И. Вейдемейером в прозу, и в стихи г. Сент-Мором (см. его Антологию и Амфион, журнал славного г. Мерзлякова, где находится разбор всем Посланиям нашего автора, сочиненный А. А. Писаревым).
28. Автор в издании 1821 года сей стих при 2-м томе поставил в эпиграф всем Посланиям своим, а в

предыдущих стихах подражал Науке стихотворной г. Буало, где сказано:

*Il est certains esprits dont les sombres pensées
Sont d'un nuage épais toujours embarrassée.*

29. Автору было за 60 лет от роду, когда сие Послание писано; см. в газете *Consevateur Impartial, supplement au № 48, 1821 года.*

30. У знаменитого лирика г. Петрова ода на рождение покойного императора Александра I начинается следующим прекрасным по мысли стихом:

Явилась нова в мир планета.

Некоторые молодые люди, приметя на бегу сего поэта, всякий раз и очень громко твердили собственный стих его, переиначя только следующим образом:

Явилась нова в бег планета,

и частым повторением так надоели поэту, что он оставил охоту бегунов и не являлся более на бегу.

31. У г. Сент-Мора это переведено прекрасно:

Il est sur tout classique en parlant du jambon.

32. Очень много стихов автора рассеяно по разным журналам, но он не прежде, как с 1810 года совокупил в одно целое лирические свои творения, и, может быть, с тех пор начал заботиться об исполнении обязанностей поэта.

33. Последние стихи сего Послания весьма дурно переведены у г. Сент-Мора. В них сказано, будто бы я по собственному признанию дурной поэт, но зато добрый человек.

<1816-1827>

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Хвостова сочинения его в стихах и прозе печатались в периодике и выходили отдельными изданиями, включавшими одно или несколько произведений, небольшим тиражом. Среди них стоит отметить печально известные “Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами”, СПб., 1802. Первыми собраниями стихотворений были “Лирические творения графа Хвостова”, СПб., 1810 и “Послания в стихах графа Дмитрия Хвостова”, СПб., 1814. В 1817 - 18 г.г. было предпринято “Полное собрание стихотворений графа Хвостова” в 4-х частях: ч. 1 — Лирические творения; ч. 2 — Послания; ч. 3 — Басни; ч. 4 — Переводы. 2-е издание с прибавлением 5-й части выходило с 1821 по 1827 г. В 1828 - 34 г.г. — 3-е в 8-и частях (8-я часть не вышла). Хв. кропотливо работал над изданиями своих сочинений, тщательно комментировал. Многообразное творчество Хвостова до сих пор ждет своих исследователей. Настоящее собрание избранных сочинений графа Хвостова — первое после более чем полуторавекового перерыва отдельное издание. Учитывая его ненаучность, составитель ограничился подручным материалом, а при отборе текстов руководствовался исключительно собственным вкусом. Ни жанровый, ни хронологический принцип не положен составителем в основу. В тексте сохранены особенности написания исторических, мифологических имен и географических названий, а также устаревшие формы некоторых слов, фонетически значимые. Пунктуация отчасти приведена к современным нормам. Имена, упоминаемые в сочинениях, поясняются только единожды. Общеизвестные вещи не комментируются. Составитель глубоко признателен библиофилу Вячеславу Кучумову за предоставление редких изданий сочинений нашего любезного графа.

Условные сокращения:

ПССГХ — “Полное собрание стихотворений графа Хвостова”, СПб., 1817 — 18.

ПЗГХ — “Путевые записки графа Хвостова”, М., 1824.

П — “Поэты 1790 - 1810-х годов”, Л., 1971.

РЭ — “Русская эпиграмма”, Л., 1988.

СТИХОТВОРЕНИЯ

РЕКЕ КУБРЕ (с. 21). Печ. по П, с. 435. *Кубра* — речка, протекающая в поместье Хв. Слободка близ Переславля-Залеского Владимирской губернии; одна из устойчивых мифологем в творчестве графа. *В предел я поселился мрачный...* — Переезд Хв. в СПб.

О КРАСОТЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА (с. 24). Печ. по ПССГХ, ч. II, с. 14. В послании выражена позиция Хв. относительно споров, разгоревшихся на страницах журналов по выходе “Рассуждения о старом и новом слоге российского языка” А. С. Шишкова в 1803 г. *Галл* — француз. *Пинд* — горный хребет, владение Аполлона (греч. миф.); символ поэзии. Шарль *Котин* (Котен) (1604 - 82) — франц. аббат, проповедник и поэт; объект насмешек Мольера и Буало, сделавших имя его нарицательным. Жак *Прадон* (1644 - 98) — франц. драматург, подражатель Расина, подвергавшегося постоянным нападкам с его стороны; высмеян Буало. Публий *Вергилий* (Вергилий) Марон (70 - 19 до Р.Х.) — рим. поэт-эпик. Джон *Милтон* (1608 - 74) — англ. поэт, автор “Потерянного Рая”. Анакреон (Анакреонт) Теосский (ок. 570 - 478 до Р.Х.) — др.-греч. поэт, воспевавший любовь и наслаждения; сборник поздних подражаний Анакреонту, т. н. “Анакреонтика”, получил широкое распространение в новое время и неоднократно переводился на все европейские языки. ...*резвый купидон...* — любовная лирика. ...*общество зверей...* — басня. ...*острый Мома двор...* — сатира; *Мом* — божок насмешки и злословия (греч. миф.) ...*Флора среди полей...* — эклога. Марк Фабий *Квинтилиан* (ок. 35 - 96) — римский теоретик и критик ораторского искусства. *Душенька* — героиня одноименной повести в стихах И. Ф. Богдановича. Пьер *Корнелий* (Корнель) (1608 - 84) и Жан *Расин* (1639 - 99) — франц. драматург-классики. *Мольер* (Мольер; наст. имя Жан Батист Поклен; 1622 - 73) — франц. драматург-классик. Жан *Де Ла Фонтен* (Лафонтен; 1621 - 95) — франц. баснописец-классик. *Фидиас* (Фидий) (нач. V в. - 432 до Р. Х.) — др.-греч. скульптор. Квинт *Гораций Флакк* (65 - 8 до Р. Х.) — римский поэт и теоретик искусства. *Пиндар* (521 - 442 до Р. Х.) — др.-греч. одический поэт, образец высокого слога. Михайла Васильевич *Ломоносов* (1711 - 65) — “Русский

Пиндар”, автор ряда теоретических работ, в том числе “О пользе книг церковных”, идеи которой развивал А. С. Шишков. Князь Антиох Дмитриевич *Кантемир* (1708 - 44) — поэт-сатирик, дипломат. *Бриарей* — чудовище с 50 головами и 100 руками, сын Урана и Геи (греч. миф.).

ЭПИГРАММА (с. 29). Печ. по РЭ, с. 102.

РИФМУШКИНУ (с. 29). Печ. по РЭ, с. 102. Иван Петрович *Глазунов* (1769 - 1831) — книгоиздатель и книгопродавец, владелец книжных лавок в СПб и Москве.

ДВЕ ТРАПЕЗЫ (с. 29). Печ. по РЭ, с. 100.

ИЗ ПСАЛМА XXI (с. 30). Печ. по кн. “Священные песнопения Древнего Сиона”, изд. 2, СПб., 1863, с. 40. Переложения псалмов Царя Давида — разновидность оды, особый жанр светской литерат. сер. XVIII — нач. XIX в. Г. Р. Державин абстрактно-поэтическому жанру переложений придал яркую личностную окраску. Из нескольких существующих переложений графа выбрано именно это, написанное в державинском ключе.

ЖИВОПИСЦУ МОЕМУ (с. 32). Печ. по ПССГХ, ч. II, с. 118. Адресатом послания, вероятно, является Орест Адамович Кипренский (1782 - 1836), написавший портрет Хв. ... *Омир полных стран...* — Михаил Матвеевич Херасков (1733 - 1807) — поэт, автор героических поэм “Россияда” и “Владимир”. *Феофан* Прокопович (1681 - 1736) — “*Русский Златоуст*”, архимандрит, церковный и светский писатель, общественный деятель, поэт. ... *Пиндар наш...* — М. В. Ломоносов. *Феспис* (VI в. до Р. Х.) — др.-греч. поэт, создатель трагедии. Александр Петрович *Сумароков* (1717 - 77) — поэт и драматург, создатель русской трагедии. *Апеллес* (2-я пол. IV в. до Р. Х.) — др.-греч. художник. *Сатурн* — бог плодородия, символ неумолимого времени (рим. миф.). *Гораций сей Российский* — Гаврила Романович Державин (1743 - 1816). ... *на горы взлетит Кавказски и Альпийски...* — Хв. говорит об одах Держ. “На возвращение графа Зубова из Персии” (1797) и “На переход Альпийских гор” (1799). ... *Царице, что вела нас к славе по цветам...* — Екатерине II (1729 - 96); имеется в виду ода Держ. “Фелица” (1782). Александр Семенович *Хвостов* (1753 - 1820) — поэт-сатирик, председатель III разряда “Беседы любителей русского слова”, дво-

юродный брат Хв. Алексис *Пиррон* (Пирон) (1689 - 1773) — франц. поэт и драматург, автор “Оды Приапу”. Александр Семенович *Шишков* (1754 - 1841) — адмирал, гос. секретарь, член Гос Совета, президент Российской Академии (1813 - 41), поэт, критик. Митрополит *Евгений* (в миру — Евфимий Алексеевич Болховитинов; 1763 - 1837) — писатель и библиограф, составитель “Словаря русских светских писателей”. ...выгадал часок похитить *Андромаху*. — Хв. говорит о своем переводе трагедии Ж. Расина “Андромаха” (1794). ...священных дев... — Муз. Никола *Буало-Депрео* (1636 - 1711) — франц. поэт, критик, теоретик классицизма.

РУССКАЯ ПЕСНЯ (с. 36). Печ. по изд. “Дневники Пушкина”, М., 1997, с. 47. Песня написана по случаю празднования дня тезоименитства императора Николая I (1796 - 1855). В этот день императрицей Александрой Федоровной (1798 - 1860) был устроен торжественный бал, на который все участники должны были явиться в русских национальных костюмах. Песня была напечатана отдельным листком, положена на музыку и исполнялась на этом балу.

АЛЕКСАНДРУ ФЕДОРОВИЧУ ВОЕЙКОВУ (с. 38). Печ. по ПЗГХ, с. 61. Адресат (1777 - 1839) — поэт, критик, журналист и издатель. ...родитель нашей сцены... — А. П. Сумароков. *Вольтер* (наст. имя — Мари Франсуа Аруэ; 1694 - 1778) — франц. поэт, драматург, прозаик, критик, историк. *Минос* — царь Крита, по смерти ставший в Аиде судьей душ умерших (греч. миф.). Ипполит Федорович *Богданович* (1743 - 1803) — поэт, автор “Душеньки”. Василий Андреевич *Жуковский* (1783 - 1852) — поэт-романтик. Христиан *Геллерт* (1715 - 69) — нем. поэт, драматург, автор “Басен и рассказов” (1746 - 48).

ПОЭТ И ЕГО СУДЬИ (с. 39). Печ. по ПЗГХ, с. 62. Вольный перевод басни Х. Геллерта (см. прим. к с. 38).

К Г. РАСИЛОВУ (с. 40). Печ. по ПССГХ, ч. II, с. 139. Послание направлено против А. С. Хвостова (см. прим. к с. 32), в 1790-е г. г. бывшего поверенным в Константинополе, и первоначально называлось “К Стамбулову”. В “Беседе”, куда оно предлагалось для прочтения, вызвало ряд нареканий со стороны членов. Г. Р. Державин в письме к Хв. от 3 января 1813 г. негодовал: “Предлагал я вчерась собранию послание

ваше “К Стамбулову”, но, к сожалению моему, примечена тут личность на счет члена, который тут же присутствовал; то это весьма неприятно. А для того и возвращаю оное к вам обратно, прося покорнейше уволить меня и впредь от таких сочинений, где чья-либо уязвляется честь.” Хв. переправил некоторые стихи, изменил название и вручил двоюродному брату. ...*мизер открытую..* — в карточных играх вист, бостон, преферанс редкий и рискованный розыгрыш. Эли Картин *Фрерон* (1719 - 76) — франц. писатель, журналист и критик; имя его стало нарицательным для обозначения злобного критика. ...*Сияя в круглый год двенадцать раз умом.* — в ежемесячных журналах. Марк *Аврелий* Антонин (121 - 180) — рим. император и философ.

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПИСАРЕВУ (с. 45). Печ. по ПССГХ, ч. II, с. 182. Адресат (1780 - 1848) — генерал-лейтенант, сенатор, писатель, член Российской Академии, сотрудник “Беседы”. ...*Законы критики гласил.* — Хв. говорит о своем послании “К А. А. Писареву о ложных критиках”. ...*пел...непобедимость Росских сил...* — оды Хв. времен Отечественной войны. *Александр I* (1777 - 1825) — император, о победном шествии которого по Европе говорит Хв.

О НАВОДНЕНИИ ПЕТРОПОЛЯ (с. 47). Печ. по изд.: “Петербург в русской поэзии”, Л., 1988, с. 74. Полное название — “Послание к Н. Н. о наводнении Петрополя”. Стихотворение написано вскоре после стихийного бедствия и впервые напечатано в “Невском альманахе на 1825 год”. Намеренно архаизированный стиль послания отсылает к рус. эпическим поэмам конца XVIII в. Кроме того, Хв. явно полемизирует с богоборческой поэмой Вольтера “Лиссабонское землетрясение”. В письме к кн. П. А. Вяземскому от 28 января 1825 г. А. С. Пушкин пишет: “Пришлите же мне ваш “Телеграф”. Напечатан ли там Хвостов? Что за прелесть его послание! Достоинно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как Василий Львович <Пушкин; 1770 - 1830. — *сост.*>, Иванчин-Писарев <Николай Дмитриевич; 1794 - 1849. — *сост.*> и проч.” Из послания Хв. во многом заимствован образный и событийный ряд “Медного всадника” (1833), автор которого по старой привычке не приминул задеть графа колкой двусмысленностью:

“Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье Невских берегов.”

Екатеринин брег — левый берег Невы у Зимнего дворца, одетый в гранит при Екатерине II. *Решетка Бецкого* — решетка Летнего сада, сооруженная по проекту Юрия Матвеевича Фельтена (1730 - 1801) под руководством Ивана Ивановича Бецкого (1704 - 1795), президента Академии художеств. *В твой навечерний день, Архангел Михаил...* — Наводнение случилось в канун Михайлова дня. *Бельт* — Балтийское море. *Посыпались здесь с престола миллионы...* — На ликвидацию последствий наводнения император Александр I из казны выделил немалую сумму денег.

ЕВСЕВИЮ ИВАНОВИЧУ ЛЯЛИНУ (с. 51). Печ. по ПЗГХ, с. 56. Адресат — малоизвестный поэт 20-х годов, между прочим опубликовавший в № 7 части X “Дамского журнала” за 1825 г. “Надпись к портрету Д. И. Хвостова”:

“Хвостов на Пинде — соловей,
В Сенате — истины блюститель,
В семействе — гений-покровитель
И нежный всюду друг ушей.”

В письме кн. П. А. Вяземского к Александру Ивановичу Тургеневу (1784 - 1845) содержится пародия на нее (см. “Остафьевский архив”, т. III, № 673, СПб, 1900). *Аониды* — Музы. *Сирены* — женоптицы, завлекавшие мореходов к опасным скалам (греч. миф.). *Дафна* и *Филлида* — условно-поэтические имена. *Киприда* — одно из имен Афродиты, богини любви и красоты (греч. миф.). Иоганн Кристоф Фридрих *Шиллер* (1759 - 1805) — нем. поэт и драматург. Джордж Ноэл Гордон *Бейрон* (Байрон; 1788 - 1824) — англ. поэт-романтик. *Поэзия... Язык чувствительных сердец...* — Хв. перефразирует последнюю строку из стихотворения Н. М. Карамзина “Протей, или Несогласия стихотворца”: “Поэзия цветник чувствительных сердец.”

ГОЛУБКА (с. 54). Печ. по кн. “Русская поэзия. 1801 - 1812”, М., 1989, с. 152. Переложение отрывка из анакреонтической оды “К голубке”.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНЕДИЧУ (с. 55). Печ. по ПССГХ, ч. II, с. 125. Адресат (1784 - 1833) — поэт, переводчик

“Илиады” (1829). В 1809 г. Гнедич закончил перевод 7-й песни александрийским стихом в продолжение незаконченного (первые 6 песен) перевода Ермила Ивановича Кострова (1752 - 96). Перевод был встречен восторженно, однако, сам Гнедич не был доволен своей работой, и вскоре заново начал переводить, но уже гекзаметром. Вторая попытка пересадить гекзаметр на русскую почву удалась не сразу. Опыт Гнедича вызвал ожесточенные споры. Хв. своим посланием старался ободрить начинающего литератора. В 1814 г. Гнедич написал “Ответ на послание Д. И. Хвостова”. *Беллона* — богиня войны (рим. миф.). *Пиериды* — Музы. *И сенолиственно и благопокорливо...* — Хв. говорит об удачном вложении в рамки александрийского гомероподобных сверхудлинненных слов; “сенолиственно” образовано от словосочетания “сень листвы”. Торквато *Тасс* (Тассо; 1544 - 95) — итал. поэт, автор “Освобожденного Иерусалима”. Саломон *Геснер* (1730 - 88) — швейц. поэт, автор идиллий. Проспер *Жолио де Кребийон* (1674 - 1762) — франц. драматург. *...изъяснит какой-нибудь Абе.* — Аббат (франц. *Abbé*); вероятно, Хв. имеет в виду кого-то из новомодных педагогов, вроде аббата Доменика Карла Николя (1758 - 1835), основателя иезуитского пансиона для детей аристократов в Петербурге. *...Покорны Плутусу Феб, Марс и Купидон...* — т. е. деньги правят искусством, военной доблестью и любовью.

НОВОМУ ЛИРИКУ (с. 59). Печ. по кн. “Русская поэзия. 1813 - 1825”, М., 1990, с. 106. Адресат — поэт, уч. “Беседы” Аркадий Гаврилович Родзянка (1793 - 1846); Хв. имеет в виду его стихотворение “Державин” (1816). *Аи* — белое, полусухое шампанское. *...в обертке голубой...* — Книжки и журналы того времени выходили обычно в голубых или розовых обложках. *Псел* — река на Украине, на берегу которой стоит Обуховка В. В. Капниста (1758 - 1823), к которому был близок Родзянка.

КАТЕРИНЕ НАУМОВНЕ ПУЧКОВОЙ (с. 61). Печ. по ПЗГХ, с. 49. Адресат (1792 - 1867) — поэтесса, близкая к “Беседе”. Жак *Делиль* (Делиль; 1738 - 1813) — франц. поэт, автор “Садов”. Джеймс *Томсон* (1700 - 48) — англ. поэт. *Бостон* — карточная игра. *Какаду* — пьеса Александра Александровича Шаховского (1777 - 1846). *...Расину счастливый в Эсфири подражатель...* — Павел Александрович Катенин (1792 - 1853) перевел трагедию Ж. Расина “Эсфирь”. Бурхард Христофор *Миних* (1683 -

1767) — фельдмаршал, главнокомандующий в турецком походе (1738 - 39). ...*Нила Русского...* — т. е. Волги. *Минин* — Кузьма Минич Захарьев-Сухорукий (ум. 1616), руководитель народного ополчения в 1612 г. ...*Торговли внутренней там создан пышный храм...* — Хв имеет в виду павильоны Нижегородской ярмарки. ...*Я таковых гуськов и при Неве встречал.* — легкая ирония по поводу “Арзамаса” с его “гусиными” таинствами. ...*среди Владимира зрел торжество искусства...* — Здесь и далее следует описание картины “Крещение Руси Св. Владимиром”, находившейся во Владимирском Градском Соборе, работы Николая Ивановича *Тончия* (Сальватора Тончи; 1756 - 1844), итал. художника, музыканта, поэта, переехавшего в Россию.

НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЯЗЫКОВУ (с. 65). Печ. по изд.: “Н. М. Языков. ПСС”, М.-Л., 1934, с. 678. Послание является ответом на опубликованное в “Славянине” (1828, ч. III, № XXXVI) послание Н. М. Языкова (1803 - 45) “Графу Д. И. Хвостову”. Через два года в “Московском вестнике” (1830, № 3) Языков снова выступил с одноименным посланием с подзаголовком: “при получении от его сиятельства 3-х первых томов полного собрания его творений”. В “Московском вестнике” (1830, № 4) Хв. опубликовал стихотворение “В ответ Николаю Михайловичу Языкову”, где между прочими есть такие строки:

“Уже певец Кубры давно то знает сам,
Что, если он когда и с лирой в Лету канет,
Потомства суд его невольно вспомянет,
Поверя огненным Языкова стихам.”

Оба послания Языкова вполне серьезны и в то же время слегка ироничны. *Коль зависти лукавый глаз / Моей поэзии не сглазил..* — Хв. перефразирует последние строки 2-й строфы послания Языкова. *Прими классический совет...* — У Языкова в 6-й строфе: “Дай мне классический совет / Свой ум устроить величаво...” “*Что слава? — Суета сует*”. — Хв. цитирует начало 3-й строфы. ...*Суворов, / Герой молниеносных взоров...* — автоцитата из послания “Живописцу моему”. ...*Представь Эдипа жалкий рок..* — Хв. советует Языкову заняться драматической поэзией *Шемяка* — несправедный судья.

НА САМОГО СЕБЯ (с. 68). Печ. по РЭ, с. 101. Во время торжественного въезда в Москву императора Павла I (1754 - 1801) Хв. по неосторожности упал с лошади.

ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СЛЁНИНУ (с. 69). Печ. по ПЗГХ, с. 53. Адресат (1789 - 1836) — петербургский издатель и книгопродавец; им выпущено ПССГХ. Альфонс Мари Луи де *Ламартин* (1790 - 1869) — франц. поэт-романтик, политик, историк. Иоганн Фридрих *Фосс* (1751 - 1826) — нем. поэт и переводчик; перевел на нем. “Одиссею” и “Илиаду”, а также произведения других греч., лат. и англ. классиков. *Инвалид* — газета “Русский инвалид”, издававшаяся с 1812 по 1917 г. ...*Лисица трусит волка...* — здесь и в следующих двух строках шутливое упоминание собственных басен Хв. ...*Потомства не увижу...* — автоцитата из послания “К Г. Расилову”.

ПРОЩАНИЕ (с. 71). Печ. по ПЗГХ, с. 68.

СОЛОВЕЙ В ТАВРИЧЕСКОМ САДУ (с. 72). Второе из двух стихотворений, адресованных А. С. *Пушкину* (1799 - 1837). Натальей Николаевной, женой последнего, оно было положено на музыку. Уместно привести здесь письмо Пушкина к Хв. от 2 августа 1832 г.: “Милостивый государь граф Дмитрий Иванович, жена моя искренно благодарит Вас за прелестный и неожиданный подарок. Позвольте и мне принести Вашему сиятельству сердечную мою благодарность. Я в долгу перед Вами: два раза почтили Вы меня лестным ко мне обращением и песнями лиры заслуженной и вечно юной. На днях буду иметь честь явиться с женою на поклонение к нашему славному и любезному патриарху. С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою. *Александр Пушкин.*” *Фуштатская* — улица в Санкт-Петербурге.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ (с. 72). Печ. по П, с. 442. После прочтения этого послания в Беседе 26 января 1812 г. И. И. Дмитриев попросил Хв. при публикации (“Чтения в Беседе”, 1812, кн. 6) не упоминать имени адресата. *Когда мои стихи покажутся в Столицу...* — А. С. Хвостов написал на одной из од графа следующее:

“Когда сии стихи появятся в Столицу,
То первые пойдут обертывать корицу.”

Бабочкин, Бичев, Обжоркин — Под вымышленными именами, вероятно, скрываются реальные люди; так в Обжоркине современники узнавали И. А. Крылова. *Милютины* — торговые ряды

на Невском проспекте в Петербурге. *Ларед* — популярный кондитер. *Перигю* — франц. блюдо под острым соусом. *Федр* (ок. 15 до Р. Х. - ок. 70) — рим. баснописец. ...у *Невы крушится Гермину*... — Хв. имеет в виду свой перевод “Андромахи” Ж. Расина.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ (с. 76). Печ по ПССГХ, ч. II, с. 133. ...*Их Глазунов продаст, а кто-нибудь прочтет*. — Хв. перефразирует строку из 2-й сатиры Сергея Никифоровича Марина (1776 - 1813): “Их Глазунов продаст, а глупые читают”.

ПРИМЕЧАНИЯ СОЧИНТЕЛЯ (с. 79)

№ № 1 — 33. Практически ко всем своим сочинениям Х. написал примечания, имеющие историко-литературную ценность. В нашем издании, к сожалению, воспроизводятся только некоторые из них. Кириак Андреевич *Кондратович* (1703 - 88) — поэт, переводчик, составитель словарей. Василий Кириллович *Тредьяковский* (Тредиаковский; 1703 - 68) — поэт, автор “Телемахиды”. ...*творцы Россияды и Семиры*... — М. М. Херасков и А. П. Сумароков. Луций Анней *Сенека Младший* (4 до Р. Х. — 65) — рим. драматург и философ. *Ut silvae foliis*... — Хв. приводит цитату из Горациевой “Науки поэзии”. Андрей Андреевич *Нартов* (1757 - 1817) — поэт, переводчик, президент Императорской Российской Академии. ...*перевод Анакреоновой оды*... — Хв. имеет в виду стихотворение Г. Р. Державина “Голубка” (1801). *Smirna, Rhodos, Colophon*... — Хв. цитирует позднюю латинскую эпиграмму, являющуюся переводом с греч.: Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос, Афины: мир, [который] спорит о твоей, Гомер, родине (*Smirna* в классич. латыни писалась как *Styrna*). Николай Федорович *Остолопов* (1782 - 1833) — писатель, составитель “Словаря древней и новой поэзии”. *Иван Матвеевич Муравьев-Апостол* (1768 - 1851) — писатель. Жан Пьер Эмиль *Сент-Мор* (Дюпре де Сен-Мор; 1772 - 1854) — франц. писатель, переводчик, автор “Anthologie russe”, Paris, 1823. Алексей Федорович *Мерзляков* (1778 - 1830) — поэт, переводчик, теоретик литературы. Василий Петрович *Петров* (1736 - 99) — поэт-одописец, переводчик “Энеиды”.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора.....	4
Граф Хвостов: писатель и персонаж (Вместо вступительной статьи)	5
Краткая летопись жизни и творчества	13
Граф Хвостов в оценках современников	16

СТИХОТВОРЕНИЯ

РЕКЕ КУБРЕ.....	21
О КРАСОТЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА	24
ЭПИГРАММА.....	29
РИФМУШКИНУ	29
ДВЕ ТРАПЕЗЫ	29
ИЗ ПСАЛМА XXI	30
ЖИВОПИСЦУ МОЕМУ	32
РУССКАЯ ПЕСНЯ	36
АЛЕКСАНДРУ ФЕДОРОВИЧУ ВОЕЙКОВУ	38
ПОЭТ И ЕГО СУДЬИ	39
К Г. РАСИЛОВУ	40
АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПИСАРЕВУ	45
О НАВОДНЕНИИ ПЕТРОПОЛЯ	47
ЕВСЕВИЮ ИВАНОВИЧУ ЛЯЛИНУ	51
ГОЛУБКА	54
НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНЕДИЧУ	55
НОВОМУ ЛИРИКУ	59
КАТЕРИНЕ НАУМОВНЕ ПУЧКОВОЙ	61
НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЯЗЫКОВУ	65
НА САМОГО СЕБЯ	68
ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СЛЁНИНУ	69
ПРОЩАНИЕ	71
СОЛОВЕЙ В ТАВРИЧЕСКОМ САДУ	72
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ	72
<i>ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ (Ранняя редакция)</i>	<i>76</i>

ПРИМЕЧАНИЯ СОЧИНТЕЛЯ

№ № 1 — 33	79
Примечания	85

ISBN 5-86435-012-6

ЛР № 070833 от 26.01.93

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН

121099 Москва, Шубинский пер., 6

Заказ № 2431

Библиотека Графомана

1. Том 13.
Мастер и семиты. — М. Архангельский, — 1994 г.
2. Том 7.
Во времена оны. — В. Шатин, — 1994-1995 гг.
3. Том 1.
Симфония разума. — Е. Пахомова, Р. Элинин, — 1995 г.
4. Том 12.
Поэмы. — В. Гаврильчик, — 1996 г.
5. Том 11.
Собрание стихотворений. — Оболенская (Хабиас)
Нина Петровна, — 1997 г.

продолжение следует...

**Книги "Библиотеки графомана"
можно приобрести в литературном клубе "Графоман"
по адресу:
Москва, ул. Бахрушина, 28.
Тел. (095) 959-21-03**